

Мэл Пит

ТРИЛОГИЯ МЁРДСТОУНА

BLACK SHEEP BOOKS

Мэл Пит

Трилогия Мёрдстоуна

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68831889

Трилогия Мёрдстоуна / Мэл Пит; пер. с англ. Марии Виноградовой;:

Black Sheep Books; Москва; 2022

ISBN 9785001143529

Аннотация

Филип Мёрдстоун разорен. Прошло много лет с тех пор, как его роман о чувствительных подростках выиграл «все эти призы» и «сделал Аспергера крутым». Последняя книга Филипа разошлась тиражом всего в 313 экземпляров. Решение, говорит его агент Минерва Кинч, состоит в том, чтобы переключить передачу: создать трилогию, наполненную Темным Лордом, Дорками, магическими мечами, множеством заглавных букв и случайных апострофов и, самое главное, Амулетом. К сожалению, Филип ненавидит Фэнтези. Утопив свои печали в пиве «Темная энтропия» в пабе рядом со своим коттеджем в Дартмуре, он рыгает, направляясь к ближайшему каменному кругу, справляет нужду у стоячего камня и опускается на траву, где его посещает видение. Появляется некое существо по имени Покет Доброчест и диктует первую часть саги о герое-изгнаннике, коррумпированном волшебнике и том самом потерянным Амулете. Получившийся роман, который

Филип называет «Темная энтропия», блестящий, но неполный: напрашивается трилогия. Покет появляется снова и предлагает Филиппу остальную часть истории в обмен на Амулет, который злой волшебник спрятал где-то в реальном мире.

Содержание

Книга первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

83

Мэл Пит

Трилогия Мёрдстоуна

Mal Peet

The Murdstone Trilogy

David Fickling Books, Oxford

Перевод с английского Марии Виноградовой

Original title: The Murdstone Trilogy

Text © Mal Peet, 2014

© Мария Виноградова, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2022

Опубликовано по договоренности с David Fickling Books
и The Van Lear Agency LLC

Книга первая

Темная энтропия

1

Солнце садится, оставляя в дартсмурском небе неряшливые лохмотья малиновых облаков. Где-то в папоротниках фыркают и отдуваются невидимые жилистые пони. Последний звонок: горластые грачи спешат на ночлег, дрозд перед сном нарываяется на еще одну потасовку за территорию. Мышонок полевой семенит домой, но вот он встопорщился в страхе перед совой. Самое начало весны. Ягнята блеют, призывая мать. Под землей готовятся к ночным похождениям созревшие для гона пахучие барсуки. Уши у лиса пламенеют, он прочищает горлышко.

Тьма охватывает землю, а потом и небо. Единственный источник света теперь – малый квадрат. Свет исходит из окна уединенного коттеджа. А точнее, от настольной лампы на струбцине производства «Хабитат», согнутой над маленьким складным столиком внутри под окном. Лампа делит на две части столик с заляпанной высохшим томатным соусом тарелкой, связкой ключей и просроченным лондонским телефонным справочником.

Вся эта утварь, как и коттедж, принадлежит Филипу Мёрдстоуну. Последний, так и не сняв пальто, сидит, уставившись на иллюзорный жар электрокамина с функцией имитации живого пламени. Он держит пинтовый стакан с мутноватым крепким сидром, налитым из стоящей у кресла двухгаллонной пластиковой канистры, – и время от времени прикладывается к нему, словно спохватываясь. Поддельные угли, питающие поддельное пламя, покоятся на решетке просторного камина, сложенного из неровных гранитных плит.

На каминной полке тускло поблескивают несколько памятных призов. Один – кусок стекла, а вернее прозрачного пластика; погребенная внутри торжественная надпись читается только под наклоном. Второй – довольно безвкусная статуэтка, изображающая ребенка, который сидит, скрестив ноги и впившись глазами в книгу. Есть и три иных, и со всех пяти давно пора смахнуть пыль.

Вот уже изрядное время – начав задолго до заката – Филип Мёрдстоун твердит и твердит одну и ту же горькую фразу, словно мантру, несущую утешение.

Она такова: «Я в жопе».

Она его не утешает.

В обычной жизни, как и в своих романах, Филип склонен оставлять самые существенные вопросы без ответа. Сейчас же, в припадке самобичевания, смотрит им прямо в лицо. Даже не вопросам – вопросу. Суровое самодознание, кото-

рому он себя подверг, вылилось в одно-единственное недоумение: на кой он продал свою душу?

Ответ: потому что он на мели. Без гроша. Нищ. Он – человек нищий. Знаменитый – ну ладно, известный, – но голь перекатная. Эта неприглядная истина нередко посещает его под знаменами темной ночи. Он гонит ее прочь, включая прикроватное радио и растворяясь в программах «Всемирной службы Би-би-си» о выращивании пиявок в Камбодже или новейших танцевальных модах Саудовской Аравии, – но помогает не всегда.

Безденежье не всегда ужасало его; в конце концов, на то и почтенная традиция литераторов – жить в нищете. Особенно русских литераторов. Умирать в нищете, однако, уже не так привлекательно. Умирать *от* нищеты – не привлекательно вовсе.

Филип знает, почему продажи его книг резко пошли под откос. И качество тут ни при чем. Каждую субботу он покупает «Гардиан» – в магазинчике на углу Брайен протягивает ему над стойкой очередной выпуск: в полиэтиленовой упаковке, точно порнографическую версию свитков Мертвого моря. Подписан Филип и на журнал «Автор». Так что он в курсе происходящего. О да. Писатели больше уж не затворяются от мира, создавая глубокомысленную изысканную прозу. Нет. Они вынуждены проводить львиную часть времени, торгуя собой в треклятом интернете. Занимаясь блогингом, твитами и апдейтами своих чертовых фейсбучных страничек

и разнесчастных нарциссических веб-сайтов.

Минерва уже несколько раз поминала его досадный провал по этой части.

– Минерва, но это же к настоящей работе не имеет ни малейшего отношения. Уж вы-то должны понимать.

– Да все я понимаю, Филип. Я, знаете ли, не совсем дура, хотя и ваш агент. Зато к деньгам это все имеет отношение самое прямое. Прошли те дни, когда можно было просто-напросто написать чертовски хорошую книжку и подождать, пока за ней выстроятся очереди. Читателей, дорогой мой, надо френдить. Они хотят быть подписчиками. Хотят быть френдами. Нельзя отсиживаться в упоительном уединении. Да и не так уж оно упоительно, ваше уединение, верно?

Но он отказывался хоть что-то менять. Не из луддизма, ни в коем разе. Ничего подобного. Он и сам периодически садился на ежемесячный автобус в Тависток с написанным от руки перечнем Всего, Что Надо Выяснить, и проводил добрый час, а то и больше, в библиотеке за компьютером. Считал себя виртуозом гуглопоиска. Вот это работа. От этого польза есть. Но все остальное, весь этот пустопорожний сетевой треп... Нет. Нет. Нет!

Он мнил себя благородным – ну ладно, *упрямым* – сопротивленцем. Вплоть до сего дня. Сегодня – что за день неприглядных истин! – он вынужден был признать, что обманывал сам себя. Водил себя за нос. Абсолютнейше неопровержи-

мый, чтоб его, факт состоял в том, что он позволил себе отстать от жизни. Совсем как какой-нибудь допотопный ремесленник – например, часовщик, – который поднимает взгляд над верстаком и вдруг обнаруживает, что мир перешел в цифровой формат, а его дни сочтены. Или верный и опытный сотрудник, который в один прекрасный день, придя на работу, узнает, что его заменили обрывком компьютерной программы, разработанной каким-то малолеткой из Бангалора.

Он, Филип Мёрдстоун, сделался – само это слово несло в себе убийственный раскат – анахронизмом.

Он судорожно проглатывает сидр, потому что даже это еще не самое худшее.

О нет.

Потому что, раздуваясь и нависая над горизонтом его личной маленькой трагедии, грядет Высший катаклизм. Восхождение темных блескучих калифорнийских Владык киберпространства. Эти современные чингисханы сметают цивилизации, сжигают библиотеки, сажают редакторов стройными рядами на колья, стирают с лица земли хрустальные башни и сложенные из нежно-медового камня старинные университеты в ненасытном алчном стремлении поработить язык, превратить авторов в трутней, обслуживающих пульсирующий амазонский улей, а детей – в пассивных потребителей, тычущих пальчиком в экраны и бесконечно скачивающих бесплатную лабуду. И вскоре, преуспев в своем фи-

листимлянском завоевании, Владыки в псевдодемократич-
ных джинсах и футболках встанут, подбоченившись и обо-
зревая разоренную пустошь, во главе несметных фаланг слю-
нявых адвокатов по защите интеллектуальной собствен-
ности, посмотрят глумливо на последних кое-как копошащих-
ся еще литераторов и скажут: «Что, старорежимные, черни-
лозависимые неандертальцы, проблема у вас? И какая же?
Кто вякнул „копирайт“? Вытащить чертового ностальгирую-
щего торчка перед строем и переломать ему пальцы».

Как Минерва и прощebetала ему в напоминание.

– Когда миром правит Яблоко, все пойдет на хрен. Так
что, если ты писатель, единственный разумный путь – за-
работать тонну денег, пока не началось. А вам, миленький,
прошу прощения, поздновато уже тормозить на старте.

Но все еще хуже. Он в нее влюблен. Безнадежно – и это
mot столь же juste, сколь и tris te¹ – влюблен в Минерву Кинч.
И, хотя слащавое клише вызывает в нем разлитие желчи, это
любовь с первого взгляда. С его стороны.

Первая их встреча произошла в фойе отеля «Мариотт».
Он только что отхватил премию Блайтон и Косту за «Послед-
него у финиша», а она вошла и отхватила его. Он понятия
не имел, как должен выглядеть литературный агент. Скорее
всего, что-то серьезное и в очках. От средних лет и выше.
И тут всплывает это умопомрачительное видение, вслед кото-

¹ Mot – слово, выражение; juste – справедливо; triste – безрадостно, печально
(фр.). (Здесь и далее прим. пер.)

рому все сворачивают головы, и восклицает: «Филип Мёрдстоун! У меня такое чувство, будто мы знакомы сто лет! Давайте выпьем по бокальчику шипучки и поболтаем о славе».

Он чуть не лишился чувств, точно неопытная героиня бульварного любовного романа. И с тех самых пор безбожно эротизировал каждый их короткий и безличный поцелуй.

Эротизирует и сейчас, топя стенание в сидре. Как у большинства одиноких мужчин, у него широкий репертуар стений.

Он лишь раз пробовал пригласить ее на свидание. Набрался отваги целый месяц. Она отказала, хотя и мягко, дав понять, что виной всему ее нескгибаемый принцип: профессиональные отношения с личными перекрывать не должны. Она, собственно, употребила термин «взаимно вредить друг другу».

Кроме того, он ее боится. Сперва ему это не мешало. В конце-то концов страх и влечение обитают в человеческом сердце в одних и тех же покоях. Но со временем страх отвоёвывал себе в этом тесном помещенье большую часть и жилплощади, и обстановки. Мёрдстоун боялся Минерву не только потому, что она (признавал он с горечью) куда опытнее его в постельных делах. Нет, скорее потому, что она уверенно вращалась в мире, который он презирал, но от которого зависел. Она разбиралась в издательском бизнесе, а он только и умел, что писать книги.

До сих пор, пока он не соизволял обо всем этом задумы-

ваться, издательский бизнес представлялся ему безбрежной рекой, питаемой (и загрязняемой) непредсказуемыми и не отмеченными на картах притоками. Он знать не знал, как функционирует этот поток. Где там коряги, где мели, где судходные каналы. А вот Минерва знала. Видит бог, знала еще как! Роскошная, уверенная и недоступная, она стояла у руля парохода «Подростковая литература», бестрепетно ведя его по коварным течениям между хищных аллигаторов, пока он, увенчанный лаврами Филип Мёрдстоун, судорожно цеплялся за перила.

Частично проблема, конечно, состояла и в том, что это он всегда приходил к ней. Кроме одной отмененной встречи. Она посылала за ним – и он спешил на зов. Пылко и безнадежно, вот как сегодня. Отправлялся в эту чертову нору, мешанину, выгребную яму – Лондон.

2

– Столик на двоих, – впорхнув, сказала она. – На имя Кинч. Спасибо.

Филип заказал «мексиканское ассорти» и получил огромную квадратную тарелку, на которую, судя по всему, стошнило кошку – аккуратными кучками вокруг сложенного блина. Кучки были соединены тонкой полоской жиденького красного повидла. Среди съеденного кошкой торчало что-то зеленое.

Минерва молочно-белым ногтем скovyрнула с зубов зернышко граната и раздавила его на скатерти. Крохотный ошметок красной плоти напоминал последствия вскрытия мелкого зверька.

– По-моему, миленький, вся проблема в том, что вы потеряли аппетит.

– Ничего подобного, – с жаром возразил он. – Очень вкусно, правда. В Девоне тебе такого не подадут.

Минерва приподняла руку.

– Филип, я не про еду. Я про вашу *работу*. Ну ладно, не просто работу, а *тематику*.

– А-а, – сказал Филип и подлил в бокал молдавского пино гриджио, изображая задумчивость. – А что именно?

Она по-учительски вздохнула.

– Мне самой нелегко, окей? Но давайте коснемся основ. Филип, почему вы пишете романы для детей, простите, юношества?

– Боже, ну и вопрос. Ну то есть... Вы же мой агент.

– Да, за грехи мои. Итак. Вы пишете для детей, потому что наделены уникальным пониманием травмы детства. Никто, то есть вообще никто и никогда не писал о сложнообучаемом ребенке столь проникновенно и поэтически, как вы в «Первом у финиша». Чудесная, чудесная книга. Совершенно заслуживает все полученные награды. Открыла новые рубежи. Заставила синдром Аспергера выглядеть круто.

– Последнем, – сказал Филип.

– Что-что?

– «Последнем у финиша». Вы сказали «Первом».

– Прощу прощения. Как бы там ни было, вы сделали всю эту область, ну, понимаете, неадекватных мальчиков, вашей вотчиной. Возможно, именно поэтому-то теперь никто больше такого не пишет. Своими пятью прелестными проникновенными романами вы сказали все, что тут можно было сказать.

– Ну, черт, даже не знаю. В смысле, в новой книге, по моему, я вышел в совершенно новое, гм, измерение...

– Вы это о футболе?

– Ну, не просто о футболе...

– Футбол – это круто, – сказала Минерва. – Сразу плюс к продажам.

– Да, но книга, разумеется, на самом деле не совсем про футбол.

– Именно, и это Проблема номер один, окей? Миленький, вы когда-нибудь играли в футбол?

– Ну, нет, не то чтобы, но...

– Так я и думала. Но, собирались сказать вы, это неважно, потому что «Удаление» на самом деле не про футбол. Оно про ранимого приемного мальчика смешанных кровей и с проблемами в обучении, который хорошо играет в футбол и уверен, что настоящий его отец – футболист из Премьер-лиги. Поэтому он старается связаться с ним, оказывается отвергнут, а потом осознает, что ему не нужна отцовская роле-

вая модель, поскольку у него хватает своих внутренних сил.
В общих чертах.

– Ну, да, и...

– И я не могу это продать, – сказала Минерва.

– Что вы имеете в виду?

– То, что я обошла этот город вдоль и поперек, на коленях.

Я просила, умоляла, рыдала – и никто не хочет публиковать еще одну книжку про ранимого слабоумного мальчика. Даже если там есть футбол.

– А. – Филип отпил вина.

Минерва разглядывала его. Он был все еще хорош собой, в таком стиле чуть помятого сельского vicar. В нем до сих пор проглядывал серьезный улыбающийся молодой человек с фотографии на обложках его книг. Волосы не тронуты сединой, а что он до своих лет так и не научился прилично стричься, так оно даже трогательно. Кожа, правда, начала терять тонус – лицо напоминало по текстуре слегка залежавшееся в корзинке яблоко. Минерва на краткий миг более или менее профессионально задумалась, занимался ли он в последнее время сексом. Ну, скажем, с тех пор как премьер-министром был Тони Блэр. Она промокнула помаду бумажной салфеткой, вздохнула и взяла быка за рога.

– И, миленький, я только что видела показатели продаж «Цыпленка Уолдо».

Он отважно посмотрел на нее.

– Триста тринадцать, – сказала она.

– Боже. Нет. Но – Минерва, рецензии были великолепными.

– Одна великолепная рецензия. В «Мерри-гоу-раунд». От Тоби Червила. Который предо мной в долгу. И о котором я кое-что знаю. Честно говоря, была пара так себе отзывов в блогах, но их вы, конечно, не видели.

У Филипа было потрясенное, неверящее лицо человека, обнаружившего у себя в гостинной дохлую корову.

После нескольких неудачных попыток сказать что-нибудь гневное или высокомерное он выпалил:

– И что нам теперь делать?

Минерва чуть подалась вперед и нежно накрыла рукой его запястье.

– Двигаться дальше. Всех удивить. Снова отрастить аппетит.

Убрав руку, она махнула официанту, который подпирал стойку и глазел на Минерву. Тот подошел к столику с таким видом, точно это был лишь один из нескольких доступных ему увлекательнейших вариантов времяпрепровождения.

– Что-нить еще? – спросил он.

– *Фэнтези*? – Филип повторил это слово шепотом, словно непристойное ругательство, которое могли услышать из-за соседних столиков.

– Или, чтоб уж совсем точно, – сказала Минерва, – Высокое Фэнтези. С двух больших букв.

– И что оно собой представляет, если простыми словами?

– Толкин на максималках, – сказала Минерва. – Некроманты. Темные силы. Героические походы. Как правило, за утерянными Мифическими Артефактами. Гоблины, Цверги, Эльфы, тоже сплошь и рядом с больших букв. Гномы. Бороды. Сдвиг времени и пространства. Книги с глубоким философским подтекстом, который никто не понимает. Ну знаете.

– Боже праведный. Минерва, вы же не всерьез? Вы же знаете, я не могу писать этот бред! Я ненавижу Толкина. Не шучу. Гнусная претенциозная эскапистская чушь. Полно, вы сами знаете, это не мой жанр.

– Филип, миленький. Вы совершенно не в том положении, чтобы выкаблучиваться насчет жанра. Ваш жанр, который вы более или менее изобрели – окей? – жанр Ранимого Придурковатого Мальчика, хоть и мил сам по себе, не продается. Фэнтези же, с другой стороны, разлетается с полок. Ведролами, вагонами, и еще в электронке. И знаете почему? Потому что дети хотят читать именно это. Особенно ранимые придурковатые мальчики.

Филип не без успеха изображал собой британского военнопленного, гордо игнорирующего тяжелую рану.

– А вы, Минерва, можете быть жестокой. Вы знали? К слову, пудинг омерзителен.

– А я вам говорила не заказывать. А теперь слушайте, окей? Я вам кое-что расскажу. Три месяца назад ко мне на стол легла рукопись. Огромная тяжеленная кипа бумаги, машинопись. Я уже много лет такого не видела. Попыталась

поднять – чуть спину не сорвала. Называлась она «Талисман Истины».

Филип застонал.

– Автор – баптистский проповедник и массажист на полставки из Хаддерсфилда. Сказал, написал это за три месяца, в припадке вдохновения. Я пролистала первые пару глав, а потом отдала почитать Ивлин.

– Ивлин?

– Ивлин Дент, моя ассистентка. Она такое любит. На следующий день она пришла поздно, с ввалившимися глазами, и сказала, полный отпад. Так что я препоясала чресла и предприняла новый заход. Ни структуры, ни развития характеров, одно только безумное нагромождение событий на головокругожиельной скорости. И, разумеется, смертельно религиозно. Белый Некромант оказывается плохо замаскированным Христом в остроконечной шляпе.

– Ну разумеется, – сказал Филип. – Это уж как водится...

Минерва подняла изящную руку, прерывая его.

– Три недели спустя – всего три, милый, окей? – я продала «Талисман Истины» ребятам из «Пегасус Букс» с авансом... ладно, скажем просто, не сильно меньше бонуса коррумпированного банкира. Плюс еще американские издатели по головам друг у друга лезут, только бы заполучить эту книгу, так что я собираюсь устроить аукцион. И на прошлой неделе я согласилась на полмиллиона за право выпуска компьютерной игры. Во вторник вылетаю в Эль-Эй закрывать сделку.

Филип медленно покачал головой.

– Мир сошел с ума, – произнес он, как будто находился совершенно один.

– Собака лает, караван идет, – сказала Минерва.

Он подозрительно прищурился на нее.

– Что это значит?

– Это значит, миленький, что вам предстоит решить, кто вы – лающая в ночи собака на привязи или часть каравана. Или, если предпочтете, передний фургон с оркестром. Знаете, что сказал мне Уэйн Димбли из «Пегасуса» напоследок, после того как мы пожали друг другу руку над «Талисманом», скрепляя сделку? Он сказал: «Минерва, душа моя, а там, откуда вы это взяли, еще такого нету?» Практически умолял. «Может, и есть», – говорю я ему.

Она откинулась на спинку стула и пронзила своего клиента взглядом огнедышащего дракона.

– Минерва, я же сказал. Я не могу писать эту хоббитскую пошлятину. Просто... не могу.

– Разумеется, можете, – резко возразила Минерва. – Филип, вы профессионал. Вам любая тема по плечу, если вы всерьез зададитесь целью.

Филип так стиснул руки, что костяшки пальцев у него побелели.

– Минерва, прошу вас. Послушайте. Я...

– Нет, миленький. Это вы послушайте меня еще одну минутку. Ваш общий доход за прошлый год – за все пять книг,

окей? – составил двенадцать тысяч с мелочью. Моя доля от этого – жалкие тысяча восемьсот плюс НДС. И вам, может быть, по сердцу сидеть в своем барсучьем домишке, питаюсь сушеными мышами и ягодами с придорожных кустов, но у меня запросы слегка побогаче. Тысяча восемьсот – это мне ланчи на неделю, да и то едва-едва. Если, конечно, не сюда вот есть ходить. Окружающие уже начинают недоумевать, с какой стати я за вас держусь. И, миленький, говоря начистоту, в минуты ясности я и сама задумываюсь.

– Вы же не всерьез! – вскричал Филип в ужасе. – Не надо так говорить. Ну то есть, боже праведный, я сейчас и в самом деле в легком упадке, но...

– Это не называется – в легком упадке, Филип. Это называется – в полной яме. В глубоком колодце. Можно сказать даже, на дне пропасти, в которой царит вечная ночь.

– Ну, по-моему...

– Филип, напишите мне фэнтези. Давайте сделаем кучу денег. А потом, если вам не понравится быть богатым, возвращайтесь к писанине про слабоумных мальчиков. Так почестному, правда?

– Но, Минерва, Минерва, – взвыл он. – Я не знаю, как это делается!

Он схватил ее руку обеими руками.

– Да полно, Филип. Не квантовая физика, чай. Есть формула.

– В самом деле?

– Ну разумеется. Я вам покажу. Хотите сперва бренди?

– О боже, да.

Минерва говорила быстро, по ходу выписывая на обороте вытасченного из сумки обрывка бумаги ключевые слова и фразы. Ручка у нее была гелевая, фиолетовая. А обрывок бумаги оказался последней трагической страницей рукописи Филипа Мёрдстоуна «Удаление».

– Значит, так. Мир – правильный термин тут «Королевство» – в Высоком Фэнтези условно-средневековый. Ну, по крайности, до промышленной революции. Насколько мне представляется, что-то вроде Девона. Такое все примерно социалистическое, на идеалистический, крестьянский – так вообще говорят? – лад. Но это Королевство попало под власть Черного Властелина, который хочет все изменить. Он, скорее всего, изначально-то был приличным парнем, но слетел с катушек после того, как нюхнул власти, или был обижен и отвергнут, или еще что-нибудь. Ну, знаете. Словом, у Черного Властелина есть прислужники. Это слово употребить обязательно, окей? Главные прислужники – Темные Колдуны. Иные из них устраивают заговоры против Черного Властелина, но он гораздо умнее их, так что всегда узнает, что они затевают, и делает с ними всякие ужасные вещи. Под началом у Темных Колдунов состоят полчища жестоких воинов. Они, как правило, похожи на бородавочников в кожаных доспехах, а называются дурками. Угнетенные подданные Королевства делятся на три категории. Во-первых, гномы, они живут

под землей в старых рудниках, могильниках и всяком таком. Во-вторых, эльфы. Они живут в деревьях, на деревьях и под деревьями. Ну и наконец, типа как люди. Одни живут в городах, за крепостными стенами, другие в нелепых деревушках вроде как-там-его, ну, где вы живете. Все три категории способны к магии, но она у них совсем хиленькая по сравнению с могучей магией, на которую способны Колдуны.

Она подчеркнула слова «хилая магия» и «могучая магия».

– Я б сейчас не отказался от сигареты, – заметил Филип.

– Минутку. Юный герой живет в далекой деревушке в самом дальнем Уделе – Удел тоже из обязательного к употреблению, окей? – Королевства. Считает себя сиротой, но, разумеется, принц. Вырастили его какие-нибудь милые простоватые старички из людей. Скорее всего, их убивают дурки, а он вынужден бежать. Так или иначе, он попадает в ученичество к Серой Бороде – это Хороший Волшебник, последний из Двенадцати Высших Магов или чего-то такого. Он-то истинное происхождение героя знает, но ему не говорит. Наставляет героя в правилах и употреблении Магики – это магия, только торжественнее, но во всем остальном темнит и не объясняет, какого черта вообще там творится. Герой проходит разнообразные испытания и проверки, что-то типа мистических выпускных экзаменов, а потом получает волшебный меч. У меча должно быть имя. Это важно, окей?

Минерва трижды подчеркнула слова «меч с именем».

– Какое еще имя? – ошарашенно переспросил Филип.

– Обычно хорошо идет что-нибудь псевдоваллийское. Чтобы ни за что не произнести, если у тебя нормальный речевой аппарат, ну понимаете. А, да, по поводу имен в целом, неплохая идея понатыкать апострофов везде, где их обычно не ожидаешь. Итак. О чем я? Ах да. Потом Серая Борода куда-то пропадает или погибает. К концу истории у героя появится еще более могущественный и таинственный наставник. Белая Борода, уже не Серая. Но до того герой должен пройти Квест. Это непередаваемо важно, Филип, окей? У вас просто обязан быть Квест.

Она написала «КВЕСТ» фиолетовыми заглавными буквами.

– В самом деле? – Филип пытался придать голосу шутливость. – Как бы удивительно это ни казалось, а я *смутно* отдаю себе отчет в важности квеста в детской литературе. Все величайшие детские книги выстроены в форме квеста. Думаю, справедливо будет сказать, что и собственные мои романы можно рассматривать как современную разновидность...

– Да-да, миленький, разумеется. Но в тех квестах, о которых я сейчас говорю, герой должен сразиться с настоящим драконом, а не злобной на весь мир соцработницей или любителями распускать шаловливые ручонки.

Оправившись от этого укола, Филип кротко спросил:

– Драконы ведь опциональны, правда?

Минерва на пару секунд задумалась.

– Ну, полагаю, не то чтобы строго обязательны. Какие-нибудь другие чудовища тоже прокатят. Впрочем, пожалуй, лучше все-таки придерживаться драконов – для надежности. Короче. Основная идея Квеста – в том, чтобы найти какую-то Хрень. Хрень наделена мистическими силами. Называется, скорее всего, Амулет Того-или-сего. – Минерва чуть приостановилась. – Честно говоря, я не очень представляю себе, что такое амулет. Какой-то тип оружия, да?

– Гм, нет, оружие – это арбалет. По-моему, амулет – это такой тотемный объект, скорее как...

– Не важно. Словом, вся суть – окей? – в том, что эта Хрень дает герою силу одолеть Черного Властелина. Что он в конце и делает, в великой битве между его войсками и дурками. На самом деле, он почти проигрывает, но тут объявляется Белая Борода и учит его паре-другой приемчиков, так что в результате он победоносен. Королевство спасено. Конец. На самом деле, нет. Просто конец первой части.

– Что-о?

– Такое обычно выходит трилогиями.

– Боже праведный, только не это.

– Не утруждайте пока свою хорошенькую головку, миленький. Этот мост мы сожжем, когда дойдем до него. А это вот вам на пока.

Она подтолкнула исчерканный фиолетовым листок Филипу, и тот безнадежно на него уставился.

– Я потрясен, – наконец произнес он. – Вы домашнюю ра-

боту выполнили на славу. Сколько жутких эпосов вам пришлось прочитать для подобного, гм, анализа?

– Нисколько. Я это выцепила из «Телеграфа». Точнее, из обзора «Хроник драконьера».

– А это еще что?

– Полноте, Филип! Даже вы не могли не слышать о «Хрониках драконьера»!

– А вот.

– Боже мой, миленький, вы в пещере живете, что ли? Хотя да, пожалуй, плюс-минус в пещере. «Хроники драконьера» – крупнейшее событие со времен Гарри Поттера. Про Гарри Поттера же вы слышали? Слышали. Хорошо. Ну так вот, «Хроники драконьера» – это фэнтези-блокбастер на шестьсот страниц, написанный семнадцатилетним фриком по имени Вирджил Перони. Американец, само собой. На самом деле, за него написала его мамаша, но не суть. Он прямо с места в карьер получил полмиллиона от Армитейджа Хэнкса. И миллион целиком – за права на экранизацию. Хватит ему, чтобы купаться в «Клерасиле» до конца вечности. Что, миленький, нам и доказывает. Уж если безбородый юнец и его мамочка могут такое написать, то писателю вашего калибра это раз плюнуть.

– Я, с вашего разрешения, отойду на минуточку, – сказал Филип. – Мне надо в туалет.

Когда он вернулся, Минерва отложила айпад и подняла голову.

– Филип, вы что, плакали?

– Нет.

– Окей. Тогда дальше. Стиль. Стиль в Высоком Фэнтези – такой квази-Шекспир, только без рифмы. Можно, пожалуй, назвать полуритмичной прозой. Персонажи не мчатся куда-нибудь стремглав, сверкая пятками, а «устремляют стопы». Надо говорить не «ночью», а «темен был час, когда». Заглавные буквы бочками. Ну вы понимаете, о чем я?

Филип запрокидывал рюмку из-под бренди, пока та не уронила ему в рот последнюю обжигающую слезу спиртного.

– Да. Я понимаю, о чем вы.

– Чудненько. Так вот, что я предлагаю – окей? Возьмите мои заметки с собой. Проведите небольшое исследование. Погрузитесь в жанр. Или, если больше не вынесете, макните на секундочку. А потом отправляйтесь на одну из ваших долгих прогулок по болотистым низинам или где там обычно бродите – и намечтайте мне коротенький общий план и пару глав. Я вам звякну, как вернусь из Эль-Эй, посмотрим, как вы продвинулись. На самом-то деле, миленький, как подумаете, так вы идеально расположены, верно? В ваших краях кругом все туманное и легендарное, верно?

– О да, о да. Иной раз шагу ступить некуда от легенд.

– Вот видите!

Минерва изобразила рукой в воздухе кардиограмму умирающего, и официант со счетом устремил к ней стопы. Она взмеилась в жакетик из льна с шелком и водрузила сумочку

на стол.

– Миленький, мне надо бежать, окей? Я уже на семь минут опаздываю на ланч с Темным Колдуном по имени Перри Уипл.

– Но вы же только что с ланча, – напомнил Филип.

– Знаю. Просто кошмар. Вы не представляете.

Она встала, так что Филип тоже начал приподниматься, но тут же села обратно. Он застыл, не закончив движения, согнувшись пополам, точно у него болел живот. Собственно говоря, так оно и было.

– Чуть не забыла. Вам обязательно нужна карта.

– Карта?

– Ну да. На форзацы. Такая, знаете, карта Королевства со всякими забавными названиями. Чтобы видно было, где горы Шанд’р Га или Топи Фетора и так далее. А, да, и не забудьте оставить часть карты загадочно пустой. Терра Инкогнита и все такое. Окей?

– В школе мне нравилось рисовать воображаемые карты, – признался Филип.

Минерва расплылась в улыбке.

– Ну вот видите. Так и знала – вы идеальный кандидат для этой задачи. Я так и сказала Ивлин. Вы справитесь наилучшим образом, миленький. Я просто знаю.

В комнате уже было темно, но он не мог заставить себя включить свет. Осушив стакан, он ощупью нашарил пластиковую бутылку.

Анахронизм.

Вышел в тираж.

В жопе.

Исписался.

Он старался не плакать. В этих усилиях ему помогал отец, покойный капитан Морган Мёрдстоун, твердящий из могилы: «Крепитесь, Буйволы²». Филип никогда толком не понимал, что значит эта фраза, но в детстве она останавливала подступающую боль, заставляла отступить горечь утраты, загоняла слезы обратно в окопы.

Он втянул носом сопли и сел по стойке смирно.

Он погрузится глубоко в себя. О да. Дотянется до тихого источника упрямого мужества, что питал его и прежде. Ему уже приходилось, образно говоря, черпать оттуда духовными ведрами, чтобы пережить ужаснейший творческий кризис, постигший его на середине «Цыпленка Уолдо». И потом еще, когда засорился новый бак с септиком. Видит бог, тяжелые были времена. Сейчас не многим хуже. Он прорвется. Отважно отправится в Хоббитландию и вернется с кладом. В конце концов, карта у него есть, ну типа того. Не квантовая физика. Он еще всех удивит. Удивит – вот это приятная мысль – Минерву.

Так что завтра – да, завтра, почему бы и нет – он навестит Вещих сестер и унесет оттуда всю Фэнтезийскую, Магиканскую и Фантаσμαгорическую дребедень, какая только

² «Буйволы» – прозвище солдат Королевского Восточно-Кентского полка.

найдется у них в закромах, и прочтает до последней страницы. Хотя, будь у него выбор, он бы скорее согласился геморрой вырезать.

Словно бы в ответ на эту мысль внутренности Филипа вдруг скрутило мучительным спазмом. Сгибаясь в три погибели и падая на колени на коврик перед очагом, Филип отлично понимал от чего. Фермерский крепкий сидр вступил в алхимический союз с «мексиканским ассорти», а катализатором, вызывавшим извержение вулкана, вероятно, послужили бренди и шоколадно-ревеневый торт с кремом-перно. Что-то огромное, гротескное вылуплялось из яйца где-то аккурат у него за пупком. Безжалостный кулак молотил в ворота кишечника. Филип, поскуливая, потащился наверх в уборную.

Минут через сорок пять он вывалился оттуда с лицом бледным и восковым, точно кладбищенская лилия. Добравшись по стенке до неразобранной кровати, он рухнул на нее и почти сразу же лишился чувств.

3

Наутро Филип осторожно заварил себе чаю и скрутил сигаретку. Прихватив и то и другое, он прошел через парадную дверь и узкий проезд к тому месту, где в древнюю каменную стену были вделаны покосившиеся и ржавые ворота. Филип поставил кружку на столбик и закурил.

Вид отсюда открывался дивный – постоянный и неизменно новый. Каким-то образом он всегда соответствовал настроению Филипа. Сегодня это была композиция из сильно разбавленной акварели, освещенная бледным солнцем. Курган Овечий нос выделялся парой бежевых мазков у подножия бесцветного неба. Потаенные очертания затерянной Деревни святого Пессария, притаившейся на полпути вниз с холма Козий локоть, прикидывали, не закосить ли в индиго. За Бежевым мямлей неуловимые изгибы Пасторской щелки сбегали по нежному лону Медовых лугов в темную чашу Большой Нодденской трясины тонкой жилкой цвета сепии. Однако в кои-то веки эта красота не несла утешения. Внутри у Филипа все поникло. В состоянии ли он покинуть это великолепиие и отправиться в изгнание в какую-то нелепую версию Средиземья?

Затопав самокрутку, он побрел назад к дому.

Он влюбился в этот коттедж с первого взгляда, десять лет назад. Тогда его распирало от оптимизма и денег, которые принес ему успех «Последнего у финиша». Чтобы себя побаловать, он снял на длинные выходные номер в дорогом и роскошном отеле близ Мортонхэмпстеда, тайно надеясь встретить там привлекательных юных особ женского пола, готовых растаять в объятиях восходящей звезды детской литературы. Как выяснилось, «Блайт-манор» специализировался на гольферах в отпуске. Компанию Филипу в отеле составляли сплошь крикливо одетые мужчины, которые по вече-

рам с пеной у рта обсуждали гольф, пока не напивались до полной потери речи.

Чтобы утешиться, он отправился на прогулку по вересковым пустошам. И, к своему удивлению, получил массу удовольствия. К середине лучезарного летнего дня он оказался во Флемуорти, маленьком непримечательном городке, не имеющем ровным счетом никаких причин стоять там, где стоит. Городок Филипу понравился, несмотря на обшарпанность – скорее всего, потому, что у тамошних жителей вид был такой же неприкаянный, как у него самого.

Так что он пропустил пару пинт в «Приюте коновала», малолюдном пабе на углу Сквер, а потом отыскал тропу, ведущую к Козьему локтю, конечной цели его сегодняшней прогулки. Слева, за низкой каменной стенкой, земля сбегала в зеленую долинку, на дне которой журчал ручей, а потом снова поднималась чередой выглядывающих друг из-за друга холмов со скалистыми вершинами. Овцы щипали траву, жаворонки оглашали небеса легким джазом и все такое прочее.

Будь Филип не так счастлив, не разглядывая все кругом с таким алчным интересом, он бы запросто проглядел коттедж, сложенный из серого камня, с монашеским клобуком обтрепанной соломенной кровли. Коттедж уютно примостился в складке холма, как мудрый старый зверь, ждущий перемены погоды. Маленькие окошки подслеповато шурились, точно непривычные к такому обилию солнца. На ржавую железную оградку, отделявшую заросший сад от проез-

да, устало привалился выцветший плакатик «Продается».

Филип постучал в дверь, хотя было совершенно очевидно, что здесь уже изрядное время никто не живет. Прикрыв глаза ладонью, он заглянул в одно из двух окон первого этажа. Тяжелые черные потолочные балки, зеленая крашеная дверь, ведущая куда-то вглубь дома, каменный камин почти во весь торец. На Филипа вдруг накатило яркое и совершенно неотразимое видение – как он сидит в этой комнате перед огромным камином, в котором жарко пылают поленья. Или как он умиротворенно наблюдает смену сезонов, волшебным образом преображающих этот великолепный вид. Именно в таких местах и живут Писатели.

Он списал имя агента по недвижимости и, выехав в понедельник утром из «Блайт-манора», явился в контору Жулинга, Плутера и Пройда в Мортонхэмстеде. Стоило ему объяснить причины своего визита, мистер Плутер проявил в равной степени недоверчивость и поразительную услужливость.

Независимый эксперт (совершенно случайно еще один мистер Плутер) доложил, что коттеджу требуется «легкий ремонтик», так что Филип в виде начального гамбита предложил всего три четверти запрашиваемой цены. К его несказанному изумлению и восторгу, предложение было тотчас же принято. И документы, и юридические аспекты были оформлены с ошеломительной скоростью. Филип подумал, что девонширцы, пожалуй, не заслуживают своей репутации тор-

мозов-тугодумов. Не прошло и шести недель, как, получив в ходе маленькой торжественной церемонии перед дверью ключи от коттеджа «Днище», он махал рукой вслед стремительно удаляющемуся рэндж роверу мистера Плутера.

Пять лет спустя легкий ремонтник (новые стропила и крыша; новая канализация; искоренение сухой гнили, влажной гнили, древоточцев и точильщиков; обустройство в доме совместного санузла; подпорка осевшей задней стены; новая электропроводка и трубы; замена растрескавшихся оконных рам; обработка стен от сырости и побелка заново; два новых потолка; новая лестница и полы на втором этаже) был завершен. К несказанной радости Филипа, все это никоим образом не нарушило витавшей в коттедже общей атмосферы божественной неприветливости и застарелого упрямства. Ровно так же новшества ни в малейшей степени не затронули уникального и неизменного запаха этого места, запаха, что и теперь приветствовал Филипа, когда тот распахнул дверь и остановился под низкой притолокой. Он много раз пытался проанализировать этот неуловимый аромат, опознать его многочисленные составляющие. Мокрые ботинки, смерзшийся колбасный жир, застарелый табак, созревающий сыр, плесень, помет мелких грызунов – все эти компоненты складывались в замысловатую смесь. Но было и что-то еще, нечто неуловимое – именно оно-то и делало запах таким уютным; Филип так и не сумел понять, что же именно. Порой казалось, он сам привнес этот аромат, а не

унаследовал его вместе с домом.

Он вдохнул, нащупывая слово.

«Барсучий», вот оно. Ее слово.

Она приезжала к нему однажды, всего однажды, три года назад. Охваченный восторженным ужасом и тревожным возбуждением, он подготовился к ее визиту, разбавив мужскую аскетичность ванной наилучшими лосьонами, какие только мог предоставить Флемуорти, и позаботившись, чтобы гостевая спальня была уютна, но все же уступала в заманчивости спальне хозяйской. Визит длился менее двух часов, и Минерва даже пальто не сняла.

От воспоминаний его развезло. Наконец он кое-как собрался и, решительный и четкий, выступил к деревне.

Как водится, кучка самых разнузданных обитателей Флемуорти собралась на Сквер поглазеть, как там паркуют машины. Чуть позже, скорее всего, они дерзко переберутся в «Квик-март», дабы насладиться еще более волнующим зрелищем астигматичной девицы, нарезающей салями на стойке для разделки готового мяса.

В 1898 году старейшины Флемуорти решили, что назревшие санитарные и культурные потребности города утолит разве что строительство общественной уборной и библиотеки. Нет нужды упоминать, что идея была встречена яростным сопротивлением всех тех, кто считал столь вычурные излишества угрозой миропорядку и традициям. Однако в 1901 году королева Виктория весьма кстати скончалась, и

противников проекта уговорили возвести оба здания в память о ней.

Старейшины бросили клич по городам и весям в поисках подходящего архитектора и в конце концов остановились на слегка авангардном молодом даровании из Барнстеполя. Коньком его была Гармония. Он постулировал, что поскольку двум новым зданиям суждено задавать тон на Сквер, то строить их следует в одном стиле и из одинаковых местных материалов. Старейшины, не привычные к подобным эстетическим соображениям и весьма ими впечатленные, дали согласие. А что юный архитектор в интересах Гармонии спроектировал здания одного размера, они просмотрели. Вот каким образом Флемуорти обзавелся самым большим туалетом и самой маленькой библиотекой в графстве. Зато и то и другое – с соломенной кровлей. Неудивительно, что местные порой путали, где что. В менее популярное из двух этих заведений сейчас и устремил стопы Филип.

Вещие сестры заметили его приближение. Презрев основное свое занятие – сочинение описаний для каталога, – они счастливыми гарпиями запорхали вдоль стеллажей, готовясь к его приходу. Со всеми прочими жительницами Флемуорти их роднило наличие усиков и нежелание толком распрямлять спину в вертикальное положение. У них имелись имена – Фрэнсин и Мерили, – каковые Филип, согласно с местным обычаем, использовал произвольным образом.

– Доброе утро, Мерили. Доброе утро, Фрэнсин.

– Утречка, мистер Мёрдстен. Рады видеть вас взад из Лондуна.

– Ужаси-то какие, что вам туда ездить приходится. Христом-богом клянусь, я б нипочем не смогла. Туннели эти, народу тьма, говорят по-всякому. Как подумаю, так по всему телу мурашки!

– Ну да, там иногда слегка...

Фрэнсин сочувственно вздохнула.

– Ну вам-то, сам собой, куда деваться. Вам, писателям, вынь да положь рехулярные ночные загулы с вином и беспутными девками. Все знают.

Мерили закивала.

– Дело такое.

– Э-э-э-э... я, гм...

Сестры выжидательно подались в его сторону. Филип не в первый раз почувствовал, что непостижимым образом слабеет под их взглядами – вроде бы и косыми, но все равно гипнотизирующими. Освободиться можно было лишь физическим усилием, сознательно встряхнувшись.

– Собственно говоря, я хотел узнать, найдется ли у вас на полках что-нибудь из того, что, если не ошибаюсь, называется высоким фэнтези.

Они буравили его взглядом горгулий.

– В исследовательских целях, – торопливо добавил он.

– А-а, – бормотнула Фрэнсин.

– В исследовательских, – выдохнула Мерили. Руки у нее

дернулись было, словно порываясь накрыть ладонями грудь, но Фрэнсин остановила их легким хлопком. Выскользнув из-за стойки, она заговорщическим жестом пригласила Филипа следовать за ней. После короткого и извилистого пути они оказались перед пустой полкой.

– Холера, – сказала Фрэнсин. – Опять все на руках. Вечно так. Больно уж пупулярны, видите? Ну мы тады пока погодим принимать заказы.

– Бог ты мой, – сказал Филип. – А местные тут такое любят, да?

– Да им все мало.

– В самом деле? Поразительно.

– Настоящая жисть им слишком хороша, вот что.

– Так значит, – беспомощно уточнил Филип, – даже «Властелина колец» не найдется?

– Эх. Чего нема, того нема. Но у нас вона фильмы есть. На кассетах и на дисках еще.

– Верно. К сожалению, у меня нет необходимого оборудования.

Мерили сдавленно фыркнула.

Фрэнсин просияла, глядя на него снизу вверх.

– Я б это проблемой не назвала, потому как у нас-то есть. Мы офигеть как рады будем, ежели вы заглянете посмотреть у нас. Сделайте одолжение.

– Ой, ну это очень любезно и, я уверен...

– Сегодня прям?

Не успел Филип ответить, Фрэнсин повернулась к стойке и рывкнула:

– Нема в наличии!

– Собственно, – начал Филип, борясь с паникой, – не знаю насчет сегодня.

– Тады завтра? В среду?

– Я сверюсь со своим расписанием.

– Уж сверьтесь. Спецэффекты тама – фантастика.

– Ага. Ну ладно. Я с вами свяжусь. – Он бочком подобрался чуть вправо, обозревая полки. – Похоже, все мои книги снова разобраны...

– Как всегда, – сказала Фрэнсин. – Их разве что гвоздями прибивай, иначе не удержать.

Эта загадка, тайна его местного фан-клуба, не переставала интриговать Филипа. Где-то тут, рядом, видимо, существовал кружок пылких поклонников, постоянно берущих и берущих его книги, по кругу. И однако ни один из этих энтузиастов еще не подловил его за пуговицу, когда он приходил сюда по делам. Странно. Подпольный литературный клуб, не склонный никак себя проявлять.

Он продолжал ломать голову над этой загадкой, делая короткий крюк к Мемориальным Удобствам.

Вещие сестры смотрели ему вслед. Когда он скрылся из виду, Мерили вытащила из-под стойки девственно-чистые томики его сочинений и водрузила на законное место на полке рядом с нетронутыми романами Айрис Мердок.

Филип вернулся в «Днище» и с четвертой попытки убедил свой потрепанный и побитый жизнью фордик завестись. Через час он явился в библиотеку Тавистока, где был лицом примелькавшимся. Вдобавок к визитам для заплывов в сетях, он провел там немало публичных чтений; последнее, на котором он поднял вопрос о потенциальном гонораре, состоялось почти год назад.

В ответ на его запрос Таня (ее имя красовалось на бейджике, покоящемся на покато́й перине ее левой груди) сказала:

– Ну, елки, это смотря что вы подразумеваете под фэнтези. Ну то есть, как вы, несомненно, знаете, это направление широкого спектра. Разумеется, бывает посттолкиновское традиционное фэнтези. Это вот ваши гоблины, волшебники и так далее. Проверено временем. Потом бывает посттолкиновское экспериментальное, там глэм-рок, ангелы, наркотики и все такое. Разумеется, не путать с мормонским вампирским фэнтези – это совершенно другой колленкор. Как и стимпанк.

– Стимпанк?

– Ну знаете, викторианское искривление времени. Например, если «Бегущего по лезвию» ставит Изамбард Кингдом Брюнель.

– А, да. – Мозг Филипа отчаянно пытался нащупать координаты – так утопающий паук судорожно цепляется за поперечинки слива в мойке.

– Кроме того, само собой, есть порталное фэнтези, где главные герои находят какой-нибудь проем или туннель и, пройдя в него, оказываются в другом измерении пространственно-временного континуума, хотя, на мой взгляд, – тут Таня презрительно фыркнула, – чаще всего это просто приукрашенные исторические романы. Впрочем, очень популярны у детей одиноких родителей. Решительно не понимаю почему. Так, что дальше. Ага: постапокалиптическое фэнтези. Мальчишеское чтиво. Фактически посттолкиновское экспериментальное, только со всякой жестью. Представьте себе компьютерные игры для недоучек. Трудно сказать, чем этот жанр отличается от сплаттерпанка – чаще всего ничем. Что, скажу я вам, спровоцировало немало оживленных дискуссий из области каталогизирования. Немало было преломлено багетов в ожесточенных битвах среди сотрудников. Фэнтези-антиутопии более или менее то же самое, только там главную роль играет девочка, потому что подростки-девочки обычно горестнее подростков-мальчиков. Что еще? Филип Пулман. Он сам по себе проблема. Когда придумывали систему Дьюи, его забыли учесть. Вы, может, скажете, религиозное фэнтези, но это ведь то же самое, что теология, верно? Ирэн вон за тем столом называет его претенциозным фэнтези, но она-то любит литературу исключительно о статистике. Есть еще, конечно, Терри Прагчетт, но он вполне *sui generis*³.

³ Особого рода, в своей категории (*фр.*).

– И в самом деле, – многоумро заметил Филип.

– Ну и можно даже не упоминать, еще Гарри Поттер, но его вы знаете. Все равно его можете даже не искать. Все тома разобраны и забронированы на два года вперед. Собственно, даже книги, про которые Джей Кей сказала, что не собирается их писать, забронированы на два года вперед. – Таня посмотрела на часы. – Пожалуй, лучше всего просто идите да пошарьте сами. У вас примерно двадцать минут до следующего наплыва студентов из местного колледжа с их библиотечными проектами. Если понадобится помощь – я буду у охраны, проверять баллончики с перечным газом и сторожевых собак. Телефон на стене справа от двери. Код один девять восемь четыре.

Она собралась было уходить, но вдруг повернулась обратно.

– Те, что в синих обложках, обычно лучше прочих, – сказала она.

Часом позже Филип нянчился с фордиком по дороге обратно на Пустошь. Пассажирское сиденье рядом с ним занимали: «Дочь алхимика», тома первый и третий; «Заклинатель драконов», часть первая; «Меч Немезиды – 4»; «Пестик саламандры», части седьмая – девятая; и «Темное начало: прелюдия». Поверх этой крикливой многоцветной груды покоилась «Краткая история Дартмурских похоронных традиций» Слотропа. Филип взял ее из рассуждений, что ему понадобится какое-нибудь легкое чтение.

Вернувшись в безопасность «Днища», он свалил пухлые томики на стол под окном. Потом принес наверх стремянку и фонарик и забрался на низкий чердак. Смахнул толстый слой пыли и сухого мышинового помета с картонных коробок, пролежавших нетронутыми почти десять лет. Почти на самом дне третьей коробки, под слоем экзаменационных сочинений, он отыскал «Хоббита». Края страниц стали коричневыми, как корка на копченом беконе. Филип отнес книгу вниз и добавил к общей груде вместе с новеньким блокнотом формата А4, заметками Минервы и двумя карандашами. Дабы укрепиться духом, он приготовил и съел подряд три тоста с мармайтом⁴. Он стоял у окна, отхлебывая чай из большой кружки и затягиваясь самокруткой. А потом решительно отвернулся от весеннего великолепия вересковой пустоши, опустил в кресло и приступил к чтению.

Через два дня он приобрел затравленный взгляд и растерзанный диковатый вид беглеца, чудом выбравшегося из ужасов средневекового побоища.

4

Тенебрис испустил протяжный и громкий вопль на неизвестном языке. Покорные зову легионы Гаилука восстали вспять из сырых каменных плит, испепеляя чужаков огнем

⁴ Мармайт – очень популярная в Великобритании бутербродная паста, изготавливается на основе дрожжевого экстракта.

мертвых глаз.

Воздух в чертогеотяжелел от их вони.

Азрафель мрачно улыбнулся и выхватил Ретимнон из ножен.

Ретимнон? Филип был уверен, что это курорт в Греции. Или Турции. Может, Ксанф? Или Крит? Впрочем, совершенно точно не Уэльс.

Оружие взыграло в его руке, точно неистовый лосось.

О господи.

– Маг! – взревел он. – Пред тем как вступить в свой последний бой, спроси себя, знают ли твои грязные прислужники подлинное имя того, кого тщатся поработить? Во имя Панкреуса предлагаю тебе последний выбор: сдайся и мирно воротись в Гнусное королевство или же Истинный Избранник предаст тебя Вечному Льду!

Презрительный смех Тенебриса раскатился по чертогу, дробясь и отражаясь от стен. Гашлуки тоже оскалили узкие зубы в припадке веселья.

– Глупец! – прошипел маг. – Думаешь, жалкое твое оружие способно одолеть вот это?

Пошарив под своим грязным плащом, Тенебрис извлек Амулет Банга, лаская его кривыми пальцами...

– Да чтоб тебя! – вскричал Филип, роняя «Темное начало: прелюдию» на груду открытых книг с заломанными корешками. Он закрыл лицо руками и позволил себе всхлипнуть. Через минуту-другую он снова зачерпнул из глубин-

ных источников и взял первый том «Палимпсеста ужаса» – толстый, как надгробие, и почти такого же веса. Карта на переднем форзаце подозрительно напоминала остров Уайт.

Через пятнадцать минут он уже обмяк на табурете перед пивной стойкой в «Приюте коновала».

– Пинту обычного, Денис, пожалуйста.

Денис был барменом новеньким, юным и из Бирмингема; речь его состояла преимущественно из вопросов.

– Получили новое особое пиво? Фистонская «Темная энтропия»? Слегка смахивает на «Ньюкасл-браун», только по-пикантнее? Хмель с легкой ноткой горелой помадки? Вставит вам грифель в карандаш?

– Э-э-э... не, спасибо, Денис. Просто обычного. Честно говоря, я сегодня слегка разбит. Пожалуй, надо бы и перекусить.

– Фирменным блюдом у нас сегодня печень с кумкватом? – спросил Денис.

В восходящей кишке Филипа что-то предостерегающе заурчало.

– Звучит заманчиво, Денис. Но мне бы что попроще. Может, «обед пахаря»?

Денисовы интонации были крайне заразительны.

– Пахарь с хрустящим китайским блинчиком? Острый тайский пахарь с крабами?

– М-м-м. А можно просто под сыром? О, и да, Денис? Не надо маринованного лука?

Денис с уязвленным видом удалился на кухню, а Филип тем временем осторожно огляделся, не рыщут ли поблизости грозные любители завести беседу.

Двое Старцев, Леон и Эдгар, сидели на своем обычном месте под доской для дротиков. Загустевшие шапки пены на их пинтах «Гиннесса» были выровнены аккуратно посередине стаканов, точно они координировали процесс питья при помощи спиртового уровня. Общение их происходило исключительно телепатическим образом, но время от времени то один, то другой говорил: «Ну и вот», а второй покачивал головой, неохотно соглашаясь. Сейчас для ланча было уже поздновато, так что, кроме них, в пабе остались лишь две коротко стриженные седые женщины в навороченных туристических ботинках. Они сидели, склонив друг к другу голову над картой. Филип выдохнул. Червь отчаяния ослабил хватку.

После третьей пинты Денис уговорил его перейти на «Темную энтропию».

Покидая без десяти четыре «Приют коновала», Филип был пьян как сапожник. Он двинулся домой, искусно лавируя между препятствиями, которые только он один, в своем магическом состоянии, и видел. Время от времени он пугал встречных прохожих внезапными громогласными возгласами вроде «Ха!» и «Да!». На Даг-Лейн, околдованный цветущим боярышником, он остановился полюбоваться, как белое облако колышется и переливается в недвижимом воздухе,

точно кружево на заднице у невесты. Несмотря на некоторые пробелы в сознании, он в конце концов обнаружил, что подходит к коттеджу. Впереди и слева открывались зелено-охряные полотнища пустоши. У ворот в каменной стене он стоял, дирижируя пейзажем, точно нарастающей бравурной мелодией.

Однако стоило ему добраться до своей калитки, коснуться ее рукой, как хорошее настроение мигом улетучилось. Что-то темное скользнуло по сердцу, точно огромная уродливая тень по морскому дну. Он не мог заставить себя войти в дом, в свой собственный дом. Его святая святых была захвачена некромантами, чернокнижниками, темнофаксерами, алхимиками, распроклятыми дурками и писателями, страдающими аллергией на нормальные полнокровные точки; он не в силах был встретиться с ними со всеми лицом к лицу. Он икнул, вслед за икотой к горлу поднялся кислый пузырь. «Темная энтропия» внутри бродила и пенилась.

Филип развернулся и нетвердыми шагами направился к пустошам. Благополучно преодолев заградительную решетку для скота, он выбрал правую тропу, потому что она предлагала прогулку по ровной местности, а ноги сейчас ощущались как-то не ахти. Там тоже хватало майского цвета, наброшенного на терновое ложе, точно снежный плед; но Филип уже утратил к нему интерес. В вышине разыгрывалась яростная схватка между ястребом и эскадрильей грачей, но он не поднял головы. Закуковала кукушка; песня ее звучала

издевкой.

Филип выровнялся и рыгнул, а затем устремился в размытые складки пейзажа.

Как свойственно каменным кругам в целом, Кровопивцы не слишком впечатляющи с виду. Это совершенно не мешало им опутаться ореолом легенд; в Дартмуре сложи в кучу три камня – не пройдет и двух недель, как по округе расползется легенда. Сказывают, например, что Кровопивцев нельзя сосчитать; сколько ни пытайся, всякий раз получишь другое число. Всего их четырнадцать, хотя один завалился внутрь круга. По местным преданиям, именно на нем, обращенном к рассвету Алтарном камне, в былые времена совершали всякие ужасные ужасы с девственницами, буде таковые случатся в наличии. На самом деле его опрокинул в 1763 году один местный фермер, пытавшийся уволочь его на придорожку для амбара.

Все камни примерно в метр шириной. Высота их варьируется от чуть больше двух метров до коренастых метра двадцати, хотя отследить это сложно, потому что иногда по ночам они меняются местами.

Иногда Кровопивцев еще называют Часами Дьявола, Ночным Горшком Старого Ника и Морозилкой Рогатого. Говорят, свежее мясо никогда не протухнет, если подставить его под свет молодой луны внутри круга – что, возможно, и послужило причиной скосившей население Флемуорти в 1923 году вспышки гастроэнтерита на почве пирогов со свиной.

Кровопивцы способны исцелять от рахита, лишая, золотухи, подагры, ногтевого грибка, заикания, облысения у женщин, ереси и газов. И еще импотенции, что, вероятно, объясняет, почему рядом вечно валяется презерватив-другой.

Странность с Кровопивцами в том, что хотя ты готов поклясться, что они стоят на ровной площадке, прямо посередине, но никогда их не видишь, пока не подойдешь почти вплотную. Вот и этим весенним днем они снова застали Филипа врасплох, хотя он им обрадовался. Ему надо было к чему-нибудь привалиться.

Чувствовал он себя скверно. Внезапно набрал тонну веса, а в самой макушке угнездилась знакомая тупая ломота, которая впоследствии стиснет череп клешнями головной боли. Воздух загустел, и Филип весь взмок. У Долговязой Бетти, четвертого не то пятого монолита, если отсчитывать по часовой стрелке от Алтарного камня, он помочился, а потом сел на траву, прислонившись спиной к Пальцу Ворчуна. Очень медленно он скрутил сигарету. Когда же велел руке поднести ее к губам, рука не поднялась, потому что он уже был в отключке.

Мне, Орберри Хомякану, четвертому и последнему из Пяти Высших Книжников, выпало на долю составить сей документ. Сколь бы злоеци и темны ни были события, мне надлежит незамедлительно поведать о них. Я прожил две-сти четыре цикла и во снах вижу уже обрывками, как мои предки за Стеклом ждут возможности приветствовать

меня. Когда этот последний мой труд будет завершен, конец истории записан, а Великий Гроссбух запечатан навеки, я с радостью присоединюсь к ним. Возможно, тогда я прозрею вновь. Не то чтобы я не питал благодарности Силам, лишившим меня зрения. Величайшая отрада моей слепоты состоит в том, что она скрывает от меня худшую и более глубокую тьму, брошенную на Королевство гнусным Антархом Морлом Морлбрандом и его вездесущими прислужниками.

Чей-то голос произносил эти слова, чья-то рука, не отставая, записывала, но Филип знал: голос и рука принадлежат не одному и тому же владельцу. Голос был стар и надтреснут – вглубь, до самого сердца. Рука же, направлявшая стремительное перо, старой не была. Ни морщин, ни вен, ни шрамов, ни волос. Светлая кожа напоминала текстурой шероховатое мыло. Пальцы длинные, узкие, с бледно-голубыми ногтями. Языка, на котором велась запись, Филип не знал, но понимал в совершенстве. Письмена представляли собой по большей части плавные косые черточки, перемежаемые точками – не больше пяти зараз – вписанными в круг или ромб. И когда перо уже пролетало дальше, чернила все еще продолжали складываться в буквы.

Но слеп я и вынужден диктовать моему единственному уцелевшему писцу, Покету, грему из клана Матриарха Доброчеста. Хоть он и упрям, как вся его порода, но выучился Книгам и прилично владеет Чернилописанием. Начнем мы,

как велит Закон, с Заклинательного Вступления на Древнем Наречии. Венкс Билхата, Венкс люкс Билхата, карпен хос...

В свинячью задницу Заклинательное Вступление.

Этот второй голос вклинился так неожиданно, что Филип чуть было не вылетел из страны сновидений головой вперед. Голос был одновременно звонким и сиплым – как у ребенка с легкой формой ларингита. В тот же момент сменилась и манера письма: плавные диагонали превратились в быстрые штрихи, тщательно вырисованные круги и ромбы свелись к торопливым галочкам, черточкам и завитушкам. Чернила корчились на бумаге, стараясь поспевать за пером.

Все равно бедный старый темнец в жисть не узнает, что именно я пишу. Пока слышит скрип пера, так и будет нудеть без просыху. И все сплошь о Тьме и Роке. Чего нам, в нашем-то, язвись оно, виде, и так предостаточно. В его, язвись оно, виде. Борода пол метет, вся мусором забила, под губой мох нарос. Когда я прихожу его кормить, завязки шляпы у него купаются в поссете, а стоит мне ему на это указать, он лишь вздыхает и трясет головой, точно облепленный слепнями козел. Газы он пускает самозабвенно, ничуть не считаясь с моим чувствительным гремским обонянием. Спит он порой по два дня кряду, а то и дольше, а просыпается, лишь чтобы воспользоваться горшком (а выносить мне, а я ведь Полноправный Писец). Когда ж не спит, спасу нет от его нытья и жалоб, что, мол, он застрял тут – как он

выражается, «в подземном изгнании», словно какой-нибудь норный недотепя. Ну да, а мне, конечно, что станется. А когда я уговариваю его приободриться, он рычит на меня и велит научиться Высшему Смирению и признать, что Высшие Силы переметнулись на другую сторону. А когда я говорю, в свинячью задницу это все, он насылает на меня Лихоманку, а я этого не люблю, и говорит еще, я, мол, упрям, как все мы, гремы. Ну, может, и так, может, и так.

Перо бежало все прытче, буквы, теснясь и толкаясь, выстраивались в строку.

Может, только по нашему упрямству мы, гремы, не перевелись еще на свете. Он-то винит во всем себя, вот в чем дело. Трясется над всякими «если бы да кабы», как наседка над яйцами. Если бы он исключил Морла из Университета, едва учуяв, что тот замышляет. Если бы доверил Кадрелю Четыре устройства Амулета. Если бы раскусил козни оборотня Меллуокса. Гоняет себя этими «если» по кругу, пока сам себе на спину не налетит. И всем только хуже. Сплошные колючки, как говаривала моя почтенная старушка.

Так что, если я позволю ему и дальше нудеть, мы век не закончим. Он как ударится в Отступления Глобальные и Отступления Незначительные, и клятую Обратную Риторiku, и Примечания, и Приложения, как в Гроссбухах пишут, так мы и до сути дела не доберемся. А у нас, может статья, времени нет. Морловские огнелъты повсюду, даже здесь, в Фаррине. Я засек их над головой и вовсе не уве-

рен, что Библиотечная Печать устоит, особенно если они призовут клятых оккультистов. Ну вы только послушайте его. Все еще бормочет на Древнем Наречии. Это Вступление тянется семнадцать клятых страниц, не меньше. К чему утруждать, как-то спросил я его. И получил за свои страдания Лихоманку.

Перо приостановилось и чернила догнали его, но голос продолжал звучать; и из глубин своей комы Филип понял, что теперь голос обращается непосредственно к нему.

Значит, вот. Что тебе нужно, так это Общий План. Как гласит старая гремская поговорка, пока не разберешься, где ты, что происходит – и давно не поймешь. Добавим картинку.

Бодрствуя сейчас Филип, он бы закричал. Он словно вознесся в прозрачном лифте с ракетным двигателем через каменные напластования и широкие вены земли, мимо разверстых зевов подземных лабиринтов и могильников, мимо обхвативших скалы корней могучих деревьев. И голос Покета поднимался вместе с ним.

Гремские штучки. Так даже Пеллус не умеет. И бесится, что не умеет, хотя ничем не признается, слишком уж нос дерет. Ага, вот мы и на месте.

Филипа бесшумно и резко рвануло вперед, протащило через полосу сияния – и наконец он остановился, зависнув над безбрежным и немислимо прекрасным ландшафтом, залитым светом плавно скользящих многоцветных лучей: словно

бы солнце било сквозь медленно вращающиеся светофильтры. На один жуткий миг Филип решил было, что переживает религиозное откровение.

Королевство, – сказал Покет небрежно. – Или, как полагается называть его в наши дни, клятая Морлова Подневольщина.

Ландшафт заскользил к Филипу, медленно и беззвучно проматываясь под ним. Фаррин оказался высоким плато с множеством конических невысоких пригорков и роц, отбрасывающих оранжевые тени. Его испещряла паутина тропинок, хотя очевидных признаков жилья нигде не было, лишь россыпи сваленных в кучу камней. Склоны плато круто обрывались вниз, съеживаясь до длинных скалистых хребтов, похожих на спинные гребни зарывшихся в песок рептилий. Хребты тянулись вглубь безжизненной пустыни, в синие тени дюн, непрестанно меняющих форму под напором неоощаемых Филипом ветров.

В поле зрения показалась череда гор, что вставали над песками почти вертикально и гигантской дугой уходили к далекому темному морю справа от Филипа. Склоны этих гор были серыми, но там, где их поверхность взламывали следы обвалов или рудничных работ, проглядывала масляная желтизна. Отдельные высокие пики были припорошены чем-то вроде снега, хотя белым он оставался лишь очень короткие промежутки времени. Меж подножий далеких холмов свет танцевал на глади озера; у дальнего берега поднимался чер-

ный зубчатый остров, отбрасывающий на воду зеленую тень.

Голос писца называл, а рука записывала названия всего, что скользило вниз. Филип с твердой уверенностью спящего знал – каждое слово навеки впечатывается в его память, погружается в мозг. Он чувствовал, как его поглощает ненасытное счастье.

Он проследил взглядом русло реки, серебристой, потом молочно-синей, потом бирюзовой. Она обхватывала три обнесенных крепостными стенами города, а затем, после могучего водопада, скрывалась в лесах, казавшихся поначалу безбрежными. Однако закончились и они, и началась плодородная волнистая равнина, сшитая из лоскутов полей, лугов, рощ, деревушек и зеленых выгонов, на которых могли бы играть, но не играли дети.

Неизмеримое время спустя горизонт надвигающейся земли начало завлакивать тьмой. Сперва Филип думал, что магия писца-грема дотянула мир до наступления ночи, но когда тьма приблизилась, понял, что видит перед собой огромную черную тучу с плоским брюхом. Она отбрасывала на земли под ней тень, создаваемую полнейшим отсутствием света.

Это Фулы, царство Морла, – объявил голос Покета. – Далее мы не ходим. После этого места Общий План нам неизвестен.

Медленное вращение мира прекратилось.

Вглядываясь вперед, Филип видел, что из тьмы на равнину выходит решетка абсолютно прямых дорог. По ним, вдоль

и поперек решетки, медленно и неустанно двигались колонны каких-то существ – с этой высоты они казались термитами. Повсюду пылало множество пожарищ, но термиты бесшумно проходили через них.

Огнелыты, пояснил голос грема, и от этого слова во сне словно бы стало холоднее.

Королевство завертелось в обратную сторону, и Фулы отступили. Филип не отследил потери высоты, но теперь он находился гораздо ближе к поверхности и различал подробности, которых не заметил раньше. Равнину испещряли темные пятна, где были сметены с лица земли целые деревни – словно бы размазанные огромным грязным пальцем. Лес изоборождали полосы поломанных деревьев. Два из трех городов лежали в развалинах – башни их обвалились, в крепостных стенах зияли проломы. Там, где горы сбегали к морю, Филип различал в укромных бухточках почерневшие ребра и хребты сожженных кораблей. Груды камней на плато Фаррин оказались руинами городов, разрушенных, по всей видимости, каким-то прокатившимся по плато катаклизмом.

Где-то вдали раздался голос, и Филип понял, что говорит он сам.

– Что тут произошло?

И в тот же миг он превратился в жидкость и дождем пролился вниз. А когда снова стал самим собой, мир исчез. Филип непостижимым образом знал, что вернулся в подземный чертог. Старческий надтреснутый голос все так же бубнил

невнятицу. Покет тараторил на немыслимой скорости, перо летало по бумаге, а чернила снова отчаянно старались не отставать. И Филип видел все то, что они описывали.

Он видел мрачный и жестокий ритуал, во время которого околдованный Брэндор Люкс отрекся от новорожденного сына Кадреля и вышвырнул его из замка. Видел, как ларец, в коем хранился Амулет Энейдоса, забрали из Тронного зала и унесли куда-то прочь мимо двух длинных рядов черных свечей.

Он наблюдал детство Кадреля, подрастающего среди мотыльковых фермеров Самодальных холмов.

Смотрел, как оборотень Тровер Меллуокс в облике гигантской источающей слизь жабы похитил Амулет у Стражей, одурманенных его наркотическим дыханием.

Видел, как юный златовласый Морл Морлбранд объявился в Чародейском Университете и замер, не сводя взора с надписей над древними дверями.

Наблюдал, как караван высоких длинношеих животных с закутанными для защиты от вихрящихся песков головами пересекает под пологом звезд Пустыню Шанд'р Га. На спинах у них покачивались мерцающие сооружения, похожие на шатры. Где-то в ночи залаяла собака.

Совершенно беспомощный, наблюдал жестокую резню в Самодальных холмах.

Видел скитания юного Кадреля, следил за ним через пронизанную солнечными зайчиками листву не отмеченного на

картах леса. Видел, как юноша медленно отогревается под опекой Орберри Хомякана, как добывает Утраченный Меч Квид Харел.

Видел, как Брэднор Люкс был внесен на борт окутанной черным полотном ладьи и отправился в последнее свое странствие в сопровождении плакальщиц-Теней.

Снова видел Морла, уже не юного, облаченного в зеленый с серебром плащ некроманта. Видел обращенные в его, Филипа, сторону глаза, по-рыбьи безжизненные, глубоко посаженные на жестком, словно вырезанном из кости, лице. Видел губы, шевелящиеся не в лад словам: «Отдай! Отдай его мне!»

Смертное тело Филипа громко застонало во сне, когда Мегрум развернул кольца бесконечно длинного туловища и, вымевшись из своего спирального пещерного логова, заскользил к нему, капая ядовитой слюной, скопившейся за многорядьем острых зубов.

Он видел, как зародилась и расцвела злосчастная любовь и как Кадрель заключил в объятия прекрасную Месмиру, сводную сестру Морла.

Видел, как восходящее кроваво-алое солнце медленно озаряло нетерпеливое войско рвущихся в бой огнелетов Морла и как их боевые секиры и зазубренные копья вздымались навстречу рассвету. Видел, как Кадрель и Гар-Беллон Премудрый обозревали врага с головокругительной высоты скалистого уступа и как утренний ветер играл белоснежной

бородой Гар-Беллона.

Видел пустой, идеально синий экран.

Несколько долгих мгновений он всматривался в него, надеясь, должно быть, что это какой-нибудь перерыв или рекламная пауза. По синеве плыли крошечные черные точки – и тут-то в припадке озарения Филип сообразил, что это птицы, а он тарашится в небо своего собственного мира. Почувствовал, как снова обретает вес, и осознал, что сидит у камня, окончательно проснувшись.

Филипа пронзила мгновенная, но невыносимая боль утраты – как будто он умер, но сознания при этом не потерял. Во всем остальном же он чувствовал себя превосходно. В пальцах у него была зажата сигаретка, и в конце концов он ее раскурил.

5

Иногда Филип Мёрдстоун описывал в романах сны – в качестве художественного приема или чтобы намекнуть, что какой-нибудь особенно скучный персонаж в бессознательном состоянии ведет жизнь событийную и замысловатую.

Однако же вся правда состояла в том, что сам Филип снов никогда не видел, а если и видел – ведь его уверяли, что их все видят, – его грезы никогда не выживали, никогда не запоминались. Каждый день он просыпался чистой страницей или, возможно, палимпсестом. Втайне он этого стыдил-

ся, считая своего рода врожденным уродством.

Как-то, когда он еще преподавал «английский как иностранный» в Хоуве, бюро знакомств подобрало ему в пару некую женщину по имени Соня (а может, и не Соня). Он повел ее в китайский ресторан, где она проявила недюжинную ловкость в обращении с палочками. Большую часть вечера Соня красочно живописала свои сны – длинные, подробные и пропитанные подспудным эротизмом. Филипу было сложно соответствовать, так что пришлось прибегнуть к помощи фантазии, на ходу выдумывая детали, которые, по его мнению, Соне хотелось бы услышать. Получалось не очень удачно; он вообще плохо умел изобретать поэтические несурезицы, из которых, судя по всему, и состоят сны. Вероятно, именно поэтому редакторы всегда старались вырезать сновидческие пассажи из его историй – и поэтому же Сони он больше не увидел. (Через год он узнал, что она бросила профессию соработника и уехала танцевать стриптиз в Каннах (или канкан в Страсбурге). Вспомнить точнее ему никак не удавалось, равно как не удалось – хотя он честно наелся перед сном жареного сыра⁵ – увидеть ее во сне в той или иной роли.)

Так что природа совершенно не приспособила его для понимания того, что произошло с ним на пустоши. Вернувшись в свой сумеречный чертог, Филип вертел этот менталь-

⁵ Согласно британскому поверью, если наестся сыра на ночь, будут сниться кошмары.

ный опыт в голове, примерно как обезьяна вертит фотоаппарат, пытаюсь найти в нем съедобную часть.

Начать с того, что он никак не мог добраться до Кровопивцев сильно раньше половины пятого. После чего увидел во сне – а может, вообразил, а может, пережил, да как ни назови, – события эпического размаха, протяженностью по меньшей мере двадцать лет, причем в ошеломительных подробностях. Когда же пришел в себя и посмотрел на часы, те сообщили, что сейчас четыре тридцать пять. И никуда не денешь тот факт, что, несмотря на злокозненное Денисово пиво, он был свеж, как майская роза. И до сих пор свеж и бодр. Как после весенней уборки.

Но сидел неподвижно в кресле он сейчас не из-за всего этого, а потому, что сновидение никуда не пропало. И застряло оно не в обычной памяти. Стоило самую малость сосредоточиться – да хоть бы просто глаза в сторону скосить – и оно возникало снова, в точнейшей последовательности и ярчайших подробностях. Голос, картинки, чуждые, но понятные письма – все прочно обосновалось в том разделе его разума, куда он сам до сих пор не заглядывал. Разделе, про существование которого он даже не подозревал. Филип помнил, как еще во сне понимал, что оно так и будет – но само это осознание было частицей сна, так что... Тут мысль обрывалась.

Филип снова посмотрел на свой сон. Это было не труднее, чем щелкнуть мышкой. И вот они – стремительная рука и

спешащие вдогонку чернила Покета Доброчеста. Тихий сипловатый голос. Щелк. Исчезли. Щелк. Вернулись.

Господи.

Возможно ли, гадал Филип, сделаться законченным шизофреником за пять минут, даже меньше, во время невинного послеполуденного сна в майский день? Если да, то как-то совсем нечестно получается. Уж верно, должны быть какие-то предупреждения, постепенное нарастание: загадочный голос из шкафчика в ванной, мимолетное появление архангела в «Теско»⁶, в таком вот роде.

Однако он не чувствовал в себе никакого безумия. Напротив. Знал, кто он такой и где находится, хотя, если подумать, не помнил, каким образом попал от Кровопивцев назад в дом. Но знал, например, что те штуки, которыми заканчиваются его ноги, называются ступнями и что, буде ему захочется ими пошевелить, они пошевелиятся. Так и вышло. Знал, что при желании может пойти на кухню за чашкой чая и не заблудиться по дороге. Вот и пошел.

Тут его вдруг осенила новая мысль: возможно, если как следует сосредоточиться на чем-то другом, Покет, Морл и вся компания выветрятся из головы. Так что он вынес чай во двор, поставил на столбик у ворот, скрутил сигарету и попытался погрузиться в знакомый, но вечно меняющийся вид.

Курган Овечий нос был все еще очерчен золотом, но Бе-

⁶ Крупнейшая британская сеть супер- и гипермаркетов.

жевый мямля уже подернулся фиолетово-баклажанной тенью. В долине заблеяла было овца, но тут же и передумала. Запоздалые грачи влачили по вечернему небу, превратившемуся сейчас в подобие синей портьеры с фестонами тюлевых янтарных облаков. Филип глотнул чая, затянулся сладким дымом, а потом осторожно позволил мыслям скользнуть в сторону. *Щелк.*

Ох, черт, *огнелъты!* Адова пропасть, ну и страхолюдины! Щелк. Ну же, *щелк, щелк!*

Исчезли. Господи!

На лбу у Филипа проступила испарина. Страх был столь же физиологическим, как и потребность помочиться. Он вернулся в коттедж.

Опорожнив мочевой пузырь примерно наполовину, он вдруг понял.

Вызвав в памяти Минервин фиолетовый эталон романа-фэнтези, он приложил его, как прозрачную пленку с шаблоном, к своему нечаянному видению.

Они совпадали. До последней точки. Точки, в которой сон, назовем его так, попросту прерывался – незавершенным. Но до того в этом сне было все: принц в изгнании, квест, амулет, седобородые старцы; вся допотопная пурга, переполнявшая жуткие тома в кабинете этажом ниже. Только вот повесть Покета Доброчеста обладала налетом, ну, скажем, подлинности. Это слово казалось одновременно и нелепым, и абсолютно адекватным ситуации.

Филип застегнул ширинку, спустил воду и застыл, слушая, как неохотно наполняется бачок. А потом, не очень-то желая этого, напротив даже – остро чувствуя зловещее отсутствие собственной воли – отправился к себе в кабинет, неприглядную тесную комнатенку, которую мистер Плутер именовал Гостевой спальней.

Он сел в ортопедическое офисное кресло. Величина – и, коли уж на то пошло, величие – задуманного и предстоящего парализовали его. Однако в конце концов он включил настольную лампу и компьютер. Навел непослушный курсор на иконку «Ворда». И, дождавшись появления пугающей белой страницы, на миг заколебался, а потом напечатал жирным курсивом:

ТЕМНАЯ ЭНТРОПИЯ
ФИЛИП МЁРДСТОУН

Он писал без перерывов девять часов кряду, а потом за-
снул, где сидел. Проснувшись, он отправился вниз и выпил
стакан воды. Выкурил сигаретку. Голода он не испытывал
ни малейшего, но это почему-то не удивляло. Вернувшись к
компьютеру, он нажал на пробел, чтобы оживить экран. (В
его первом компьютере имелся анимированный скринсей-
вер: многоцветные замысловато движущиеся трубы, этакая
психоделическая сантехника. Филип на эти трубы подолгу
смотрел. Неожиданно на свой лад очень умиротворяло. Фи-

липу теперь этого не хватало. Куда оно делось?)

Когда на экране возник текст, Филип снова взялся за дело и писал без передышки еще шесть с половиной часов.

Это был плюс-минус процесс банального перевода. Рукопись Покета Доброчеста ползла вверх со дна экрана, а летающие по клавиатуре пальцы Филипа строка за строкой перекладывали ее на английский. Всю жизнь он настукивал тексты двумя пальцами и теперь изумился, обнаружив, что способен бегло печатать всеми десятью. Если наползающие слова Покета были ему не до конца понятны, он просто мысленно щелкал мышкой и описывал вереницу разворачивающихся перед ним образов. Он не останавливался и не цокал досадливо языком, когда на экране появлялись клише. Не спотыкался на чужеземных именах или бессмысленных апострофах. Ему казалось, что когда пальцы его слабели, текст мчался вперед, увлекая их за собой. И никаких придирчивых правок, составлявших львиную долю его обычного писательского процесса. Не то чтобы сам он осознавал это – или что-либо другое. Он вообще не помнил, кто он такой.

Стоя на высоком утесе, нависавшем над Кислой равниной, и глядя, как кроваво-алый рассвет озаряет полчища огнелетов, Кадрель обнажил Квид Харел. Клинок выскользнул из ножен с шипением, подобным предсмертному вздоху змеи. Внезапно рядом материализовался Премудрый. Кадрель улыбнулся.

Длинная борода Гар-Беллона развевалась в рассветном

бризе. Маг повернулся к Кадрелю и произнес...

И все. Слова иссякли. Экран заполнила чистая незамысловатая синева, по которой плыло несколько черных точек. Филип знал, что так и будет, но все равно ударил по кнопке Page down. Ничего не произошло. Он попробовал переключиться на другой раздел мозга, но не обнаружил его. Филип знал, что не обнаружит, но все равно горевал об утрате. Горевал горько и отчаянно, как скупец, на глазах у которого горят его деньги.

6

Денис преподнес Филипу пинту пива и жалостливый взгляд.

– Без обид, Фил? Но выглядишь ты паршиво.

– Спасибо, Денис.

– Не за что.

– Что?

– Не за что?

– А, да.

Две ночи и три дня он лез из кожи вон, но и сейчас находился не ближе к окончанию повести Покета Доброчеста, чем в миг, когда экран подернулся синевой. Фиолетовый сценарий Минервы, который Филип теперь изучал усерднее, чем раввин Тору, предполагал, что именно должно произойти дальше, но не предлагал никаких средств навигации, что-

бы попасть туда.

Очевидно было, что, невзирая на вмешательство Премудрого, Кадрелю суждено проиграть битву с гнусными прислужниками Морла. В конце концов, Мёрдстоун собственными глазами видел темные Фулы Морла. Ну, вроде как видел.

Однако каким именно образом была проиграна битва? Как Морл одолел могучее чародейство Гар-Беллона? И уцелел ли Кадрель? Ушел ли он снова в бега или, возможно, томится узником в одном из не-измерений Морла? Удалось ли Морлу наконец завладеть Амулетом Энейдоса? Скорее всего, нет, потому что... Ну, просто потому что. И где тогда, черт возьми, Амулет теперь?

Все эти клубящиеся, переплетающиеся меж собой загадки доводили Филипа до границ безумия; но что грозило ему безвозвратным путешествием в самый центр, так это факт, что он вообще задается такими вопросами.

Он наблюдал, как паб заполняется посетителями и приобретает чуть ли не праздничную атмосферу. Ах да, сегодня же пятница. Народ аж от самых Епископских корчей стекается попробовать авангардное Денисово меню. Официантки, Зои и Бернис, ссутулившись, сновали туда-сюда, на их юных девичьих усиках поблескивали капельки пота. Филип с чуть поддатой беспристрастностью отметил, что пояс стрингов Бернис торчит на семь-восемь сантиметров выше уровня джинсов, содержащих, по всей очевидности, три ягоды. С

каждой пинтой зрение у него становилось все более и более телескопическим. Он пугающе крупным планом видел, как ярко покрашенные ногти отрывают головы тушеным в текиле креветкам, наблюдал, как сальные языки слизывают волокна страусинового мяса со вставных зубов.

Позже вечером он различил сквозь просвет в толпе Старцев, сидящих у стены со своими братьями-близнецами. Закрыв один глаз, он заставил близнецов исчезнуть. А потом совершил рискованное путешествие через все помещение и сел рядом.

Минут через пять Эдгар сказал:

– Все, значит, путем?

– Неплохо.

– Людновато сегодня, – заметил Леон.

Не поворачивая головы к Филипу, Эдгар сказал.

– Не взыщитя уж, мистер, видок у вас почища барсучьей задницы.

– Прост устал слегка. Работа. Ну, жнаете.

– Ели тут люциана, – сказал Леон. – Как вот здоровенная золотая рыбка, шоб ее. Но ничо так. Мяса в ей полно.

– Угу, – сказал Филип.

После шумной паузы Эдгар спросил:

– Опять, значит, творческий хрызис?

– Ну, не то шоб. Прост, ну, знаете. Ну тоисть, да. – Он приложился к пиву, рыгнул и осторожно опустил кружку на чугунный столик со столешницей из искусственно состарен-

ного дуба.

Старцы синхронно отпили по три сантиметра «гиннесса».

– Я тут жадумался, – сказал Филип.

– Ась?

– Ходил к Кровопивцам, на днях. Прост, ну жнаете, пройтись. И, ну это. Читал, самсобой, легенды. В книгах и все такое. Сплошной вздор, шкажу я вам. Но я тут жадумался, а нет ли других историй. Местные поверья, такое вот. Ну жнаете.

– Угу.

Прошло с минуту, не меньше.

– Вот я себе и шказал, – сказал Филип. – Шказал себе, значитя, ежли кто и жнает, так это вы, жентльмены.

Взгляд Эдгара остановился на чем-то за левым плечом Филипа, взгляд Леона – на чем-то за правым.

– Про Кровопивцев.

Старцы синхронно выпили и отерли пену с верхней губы тыльной стороной большого пальца.

– Ага, – сказал Эдгар. – Ну значитя вот. Вы по адресу. Леон, вот кто вам нужен. Он вам про Кровопивцев порасказать может. Могешь ведь, Леон?

– Да чтоб меня, – отозвался Леон. – Как не мочь.

И погрузился в непрошибаемое молчание.

Яркая горбатая луна озаряла пустоши. Филип нетвердыми шагами двигался к Камням. Когда тропа наконец вышла на ровное место, он остановился переждать стеснение в гор-

ле и услышал голоса.

Приближающиеся фигуры издали были похожи на держащихся за руки девушку с пингвином. Увидев Филипа, они приостановились, но затем опасливо тронулись дальше. У девушки были длинные голые ноги, и она пошатывалась на них, точно хромой жеребенок. Пингвин оказался парнем в надвинутой на лицо кепке с козырьком, широченных черных джинсах и кроссовках; мотня у штанов болталась чуть ниже колен.

– Добвечер.

Парень булькнул что-то в ответ – звук на границе человеческой речи. В свободной руке он держал банку сидра. Девушка сдавленно хихикнула. Лунный свет блестел на кольце у нее в носу. Когда их смех стих позади, Филип повлачился дальше.

Сперва он принял сидящую на Алтарном камне маленькую фигурку за туриста-недомерка. Длинное одеяние с капюшоном вполне могло сойти за ветровку, обувь – за туристические ботинки. При ближайшем рассмотрении, однако, плащ оказался не из гортекса, а из какой-то промасленной синевато-зеленой ткани, слегка напоминающей замшу. Спереди он застегивался толстыми петлями, накинутыми на костяные пуговицы. Туристические же ботинки преобразились в крепкие сандалии с подошвами на гвоздях. Лицо у незнакомца было маленьким, широким, бледным и каким-то детским, если не считать глаз – те были древними. Руки расслаб-

ленно лежали на коленях – почти белые, с длинными пальцами. И синими ногтями. Когда он заговорил, голос его оказался знаком Филипу не хуже своего собственного.

– Ну и прыщавая задница у того парня, жуть.

– Ты?..

– Покет Доброчест? Само собой. – Старые глаза внимательно разглядывали Филипа. – А ты, прощения просим, совсем закосел. Хуже даже, чем о прошлом разе. Большой, смотрю я, охотник до выпивки.

– Пожалуйста.

– Пожалуйста? – Этот ломкий, чуть хрипловатый голос.

Филип с трудом ворочал языком.

– Кадрель, – умудрился выдать он. – Витва. Я хочу. Должен. Знать, что произошло. Как закончилось. Морл.

– А-а-а, – сказал Покет. – Как закончилось. Ну, нет, пока никак. Можно сказать, незаконченное дело. Битва – да. И потом еще немного. Это я тебе могу устроить. Тута все на виду. Все равно что гнездо на облетевшем дереве. Все в Гроссбухах, у меня на руках. Тут-то никаких проблем. Проблемы у нас совсем в другой епархии.

– Пожалуйста. Мне надо... мой агент, она...

Грем поднял левую руку. Ладонь была гладкой и ровной, без линий.

– Ага, – сказал он. – Теперь вот мы подходим к самой сути. Я знаю, что тебе надо. Знаю, что надо тебе. О да. Но какой вопрос тут надо бы задать?

Филип откуда-то знал какой.

– Что надо тебе?

– Превосходно! Воистину превосходно! Самый подходящий человек для этой работки, как мы и думали. Ну что, заключим сделку, а? По-быстрому? А то время надевает колпак и шагает к двери.

– Какую еще сделку? Ты ваще о чем?

– Да задом наперед, совсем наоборот, проще простого. Я посылаю тебе остальное, ты добываешь мне Амулет Энейдоса.

– Тот самый Амулет Энейдоса?

– Не, хоть какой-нибудь, без разницы. Ну конечно, тот самый Амулет Энейдоса, мухомор безмозглый. Сколько, по-твоему, на свете таких хреновин?

– Но. Он же не. Не понимаю. Как я смогу?

Покет Доброчест вздохнул.

– Он в твоём королевстве. Его туда спрятал Тровер Меллуокс. А теперь, когда Тровер мертв, если он со своими треклятыми фокусами и правда помер, нам до Амулета не добраться. Морл, может, и мог бы, но мы точно не знаем. Хотя он-то над этим работает, можешь жену под заклад отдать, что да. Но ты, Марлстоун, ты мог бы отыскать Амулет. О да.

– Мёрд. Не марл.

– Чего-о?

– Ниважна. П-проехали. Шлушай, я, я ведь даже не жнаю, на что этот ваш Амулет похож. Н-не видел его. Понятия не

имею, какой он из себя.

Писец вздохнул.

– Примерно вот такого размера, – начал он, расставляя пальцы, – и у него... Ой, да в свинячью задницу! Увидишь – узнаешь. Ну что, договорились или нет?

Филип почувствовал, что теряет равновесие, и выставил руку, чтобы опереться на камень, но тот ускользнул. Филипп оперся на подкатившийся следующий.

– Если скажу да, расскажешь продолжение?

– До распоследней завитушечки и загогулилки. Сколько есть.

– Тогда давай.

– Уверен?

Глаза у писца горели по-совиному ярко, приспособляясь к темноте.

– Ага, совершенно. Совершенно уверен.

– Это все охрененно серьезно, Марлстоун.

Филипп яростно закивал.

– Да. Очень серьезно. Очень, очень серьезно. Я понимаю.

Покет с несчастным видом вглядывался в лицо Филиппа.

Потом он вздохнул.

– Ну ладно тогда. От всей души надеюсь, ты и правда серьезно. Что там у вас делают, чтобы скрепить сделку? Каково ваше Клятвоприношение?

Филипп отчаянно пробивался в сторону ясности и перевода. Сморгнул, боясь, что это все сейчас исчезнет. Как водит-

ся у пьяных, нашел убежище в формальности.

– Ну, за отсутствием контракта в письменном виде адекватной заменой обычно считается рукопожатие.

Покет скривился.

– Не думаю, что мне это по душе. Придется скреплять по гремовским обычаям. – Он поднялся на ноги. – Делай так.

Он накрыл большим пальцем левой руки веко левого глаза, а средним пальцем – веко правого. Филип сперва перепутал руки, но потом поправился. Покет нетерпеливо ждал. Потом он расставил ноги и правой рукой сжал промежность.

– Теперь так.

– А мне обязательно?

– Да, чтоб тебя.

Филип неуверенно ухватил себя между ног.

– Правильно, – сказал Покет сурово. – Пальцы на семечки положил?

– На что?

– Да на семечки. Шарики. Яйца. Тьху ты.

– Э-э, да, кажется, да.

– Хорошо. Теперь повторяй за мной. Слово в слово. Учти, чтоб как есть. Твой одурмаченный суслон мозг сейчас на это способен?

– Да. Думаю, да, – сказал Филип и икнул.

Покет снова вздохнул и начал:

– Четырьмя Жизнесущими Сферами я, Филип Марлстоун...

– Четырьмя Жизнесущими Сферами я, Филип Марлстоун...

– Заключаю сию сделку с Покетом Доброчестом.

– Заключаю сию сделку с Покетом Доброчестом.

– А ежели нарушу ее, чтоб им ссохнутья.

– А ежели нарушу ее, чтоб им ссохнутья.

Затем грем поднял обе руки и слегка встряхнул, словно обжегся или стряхивал воду. Он посмотрел на Филипа с мрачной серьезностью.

– Значит, уговор. И чертовски надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

– Да. Кажется, понимаю.

Покет отвернулся, что-то бормоча себе под нос. Слов Филип не разбирал. Что-то про свинячью задницу и куда деваться. Он выждал.

– Ну ладно, Марлстоун. Давай покончим с делом. А как найдешь Амулет, принесешь его сюда и никаких фиглей-миглей. Я все равно узнаю, когда времена выровняются. Где, значит, ты срубился в прошлый раз? Вон там, да?

Мёрдстоун обнаружил вдруг, что лежит на залитой лунным светом траве с подветренной стороны от Пальца Ворчуна. Глядя вверх, он видел лишь глаза Покета Доброчеста – огромные-преогромные, как то последнее, что видит перед смертью какая-нибудь полевка.

А потом он заснул.

Меч с шипением вырвался из ножен.

Чернила зазмеились по странице. Запели боевые рога.

Багряный рассвет озарил грядущие ужасы.

Премудрый повернулся к Кадрелю и произнес слова, которых Филип Мёрдстоун не мог даже вообразить.

В понедельник утром розовый и свежесбривший Филип легкой стопою вошел в почтовую контору Флемуорти. Его бьющая в глаза жизнерадостность заставила остальных клиентов опасливо расступиться. Добравшись до стойки, он купил конверт с воздушной прослойкой, положил туда компакт-диск и адресовал Минерве Кинч, экспресс-доставкой. Столь необычное отправление привлекло к нему уйму настороженного внимания. Еще он приобрел пластиковый пенал с разноцветными карандашами.

Когда он шагал обратно через Сквер, в воздухе висела мелкая противная морось, но Вещим сестрам, провожавшим его взглядами из окна библиотеки, показалось, что он озарен бунтарским лучом солнца. Они отметили пружинистость его походки, новый прямой разворот плеч, затаенность улыбки. И молча синхронно сунули в рот по большому пальцу.

7

Уэльс – известный экспортер дождя. В самом деле, согласно Llyfr y Meirw, валлийской Книге мертвых, дождь был изобретен в Уэльсе, когда король Сагвинд воззвал к богам о средстве хоть как-то остудить сексуальный пыл жителей

Нижних долин. Что, как мы знаем, не помогло. Но миф остается популярен, а дождь не унимается.

Районы Англии, которым не повезло оказаться ближайшими соседями Уэльса, заливают с удручающей регулярностью, так что, в общем-то, странно, что один из крупнейших английских литературных фестивалей проводится в Хей-он-Уай, аккурат на границе. Проливные дожди книгам на пользу не идут, однако книг в Хее миллионы, причем великое множество выставлено прямо на улице. В результате фестиваль прячется под безбрежными и беспорядочными конструкциями из брезента, парусины и полиэтилена, в хаосе шатров и навесов. Меж всех этих временных убежищ змеятся длинные колонны обтрепанных людей, выстроившихся в очереди к прилавкам с едой, туалетам, раздаче автографов и публичным чтениям знаменитостей. Глядя вниз с самолета, летящего чуть ниже полога туч, вы бы подумали, что видите душераздирающую гуманитарную катастрофу в Бангладеш или каком из самых неблагополучных уголков Африки.

Глядя на ливень через окно мерседеса, Филип Мёрдстоун сильно переживал, какой эффект погода может оказать на его костюм, не говоря уж о новой дорогой укладке на голове – в стилистике «творческий беспорядок». Мог бы не волноваться. Как раз перед тем как автомобиль с хлюпаньем остановился, дождь стих и в небесах чудесным образом проглянуло солнце. Филип с Минервой прошли по дощатому настилу к навесу «Горгоны», даже ботинок не испачкав. А к

тому времени как было покончено с формальными поцелуями в воздух и рукопожатиями, стены павильона налились цветом и легонько раздувались, точно паруса галеона, несомого ласковым бризом к берегам родной Испании.

После того как к Филипу и его собратьям-гостям приладили микрофоны и проверили звук (программу записывали для «Радио-3»), в павильон хлынула публика. Когда шуршание и перешептывания дождевиков и пластиковых книжных оберток притихли, Вэл Снид, генеральный директор опубликовавшего «Темную энтропию» издательства «Горгона-букс», поприветствовала всех собравшихся на «Горгона-фэнтези-форуме» и сказала, что вместе со всем издательством счастлива и польщена честью принимать здесь троих столь блистательных звезд жанра фэнтези. В этот момент в системе громкой связи что-то заверещало, точно там холостили свинью. Тощий бритоголовый техник засеменял через сцену, повозился с контактами почти под ногами у Вэл Снид, украдкой заглянул ей под юбку и засеменял обратно. Там-сям прошелестели жидкие аплодисменты. Затем Вэл от имени «Горгона-букс» передала слово заведующей Форумом представительнице «Книжного шоу» Би-би-си Глории Раусел, которой предстояло представить гостей.

Филип разглядывал публику. Павильон был забит под завязку и еще немножко. Досадно, но среди мокрых паломников сплошь преобладали мужчины. К несчастью, «Фэнтези-форум» совпадал по времени с тем, как Гермиона Грир

читала в павильоне «Вираго» отрывки из книги «Рисуя вагиной». Впрочем, отсыревшие юные девицы здесь тоже присутствовали в достойных количествах. Филип предположил, что они стеклись насладиться встречей с непомерно долговязым и напряженным юнцом, изогнувшимся на сиденье слева от него. Юнец сосредоточенно грыз ногти и запивал водой. Это был Вирджил Перони.

– Который поразил мир, – возвестила Глория, – в шестнадцать лет написав «Хроники драконьера», ставшие бестселлером по обе стороны океана и легшие в основу одноименного фильма, в настоящий момент собирающего огромные кассы по всему миру. Теперь, в почтенном возрасте восемнадцати лет, он представляет на суд публики второй роман, «Драконья повестка», опубликованный в Англии на этой неделе. Добро пожаловать, Вирджил.

Юное дарование сглотнуло, яростно закивало и выговорило что-то вроде «Очрад».

Аплодисменты.

Второй участницей панели была облаченная в расшитый иероглифами кафтан, джинсы и сандалии дама средних лет, родом из Хебден-Бридж. Казалось, она крепко спит. Филип забыл ее имя сразу же, как Глория его назвала, но, по всей видимости, она была автором опуса под названием «Сосуд с цикутой».

– Дебютный роман, – сообщила Глория публике, – вызвавший самые противоречивые отклики из-за эпизодов межви-

дового секса и бестрепетных описаний насилия.

Вялые аплодисменты. Спящая кивнула, не открывая глаз.

– Третий наш гость сегодня – Филип Мёрдстоун. Что я могу сказать? Это человек, первый роман которого, «Первый у финиша», завоевал столько наград, что все не перечислишь. Затем он создал ряд проникновенных романов о мальчиках-подростках – романов, в корне пересмотревших наши представления об инвалидности. Однако в начале этого года он сумел всех удивить, совершив глобальный переход в царство фэнтези. Он, разумеется, автор опубликованной «Горгона-букс» «Темной энтропии».

Бурные аплодисменты.

– Филип, если позволите, начнем с вас. И не просто потому, что «Темная энтропия» остается абсолютным бестселлером двенадцатую неделю подряд.

Смех, слабые аплодисменты. Филип улыбнулся скромной, даже чуточку виноватой улыбкой.

– Критики единодушно объявили вашу книгу поразительно оригинальным переосмыслением классического толкиновского, гм, образца фэнтези. – Тут Глория помолчала и задумчиво положила два пальца на щеку. – Вынуждена признать, – сказала она, – что, прочитав ваши предыдущие книги, я не могу не задаваться вопросом, откуда, во имя всего святого, возникла последняя.

Филип подпер кулаком подбородок и, как советовала Минерва, выждал три секунды перед тем, как ответить. И тогда,

задумчиво хмурясь, но слегка улыбаясь, сказал:

– Конечно же, я всегда любил Толкина. Он – Эверест, который все мы стремимся покорить. Однако я не считал себя альпинистом. Поэтому взялся за исследование, образно говоря, подножий. Холмов социального романа. Разумеется, я всегда знал, что в один прекрасный день мне придется бросить вызов вершинам, позволить воображению воспарить. Однако, – Филип благожелательно улыбнулся Вирджи-лу Перони, – полагаю, все дело в том, что до недавнего времени я чувствовал себя слишком юным, чтобы добиться настоящей оригинальности.

Рокот смешков постепенно нарастал, пока до самых тугодумов среди публики доходил этот очаровательный и полный самоиронии парадокс.

Глория переждала и продолжила:

– Пожалуй, самое поразительное в «Темной энтропии» – это голос рассказчика. Голос Покета Доброчеста. Который не только участвует в этой истории, но и перебивает ход повествования своими будничными комментариям, объяснениями, обращениями к читателям и так далее. Один из критиков назвал его Бильбо Бэггинсом в переосмыслении Дэвида Герберта Лоуренса с небольшой помощью Чосера. Откуда возник он?

Филип медленно покачал головой.

– Хотел бы я знать. Могу сказать только, он словно бы приснился мне. Что, полагаю, означает – он всегда был здесь,

где-то в моем подсознании, голосом, который я прежде отказывался слушать. Однако, когда я принял сознательное решение писать фэнтези, он в некотором смысле пробился наружу. Мне самому немного страшно признавать, но, возможно, Покет и есть мой настоящий голос, голос, который зрел во мне много лет, пока я совершенно этого не понимал.

– Потрясающе, – сказала Глория. – Должна признаться, когда я читала «Темную энтропию», у меня было ощущение, причем очень сильное, что я разговариваю с Покетом Добročестом, а не читаю написанное Филипом Мёрдстоуном. Надеюсь, вы не против, что я это говорю.

– Ничуть, – великодушно заверил Филип. – Именно такого эффекта я и старался достичь.

– Вам это с блеском удалось.

– Премного благодарен, Глория. – Он подался вперед на стуле и встретил теплый взгляд Минервы. Она подмигнула. Внизу живота у него что-то трепыхнулось в ответ.

Позже, уже из-за трибушки, Филип сказал:

– Я, гм, думал, может, лучше прочесть что-то по запросу. А не просто отрывок, который выбрал я сам. Так что если тут кому-то что-то...

В воздух взлетело несколько рук. Филип отпрянул, словно бы устрешенный таким энтузиазмом. Запрокинутые к нему лица были омыты мягким светом, льющимся сквозь брезент над головами. Он выбрал скрюченного мальчика в инвалидном кресле, которого показала ему Минерва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.